

Андреев И. Д. Св. Тарасий, патриарх Константинопольский: (Очерк его жизни и деятельности в связи с ходом иконоборческих смут)
// Богословский вестник 1899. Т. 2. № 8. С. 459–504 (3-я пагин.).
(Окончание.)

СВ. ТАРАСИЙ, ПАТРИАРХЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКІЙ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности въ связи съ ходомъ иконоборческихъ смуть ¹⁾.

Анализъ взглядовъ Тарасія на иконопочитаніе Доказательство того, что опроверженіе опредѣленія собора 754 г., читанное въ 6-мъ засѣданіи собора, принадлежитъ Тарасію.—Основанія въ пользу иконопочитанія, приводимыя Тарасіемъ и обсужденіе ихъ Законодательная дѣятельность Тарасія на соборѣ и оцѣнка ея.—Дѣятельность патриарха послѣ собора: его проповѣдничество и бесѣды съ образованными иконоборцами—Основаніе имъ своего монастыря съ цѣлью подготовленія лицъ, способныхъ бороться съ средою—Отношеніе Тарасія къ бѣлому духовенству, бывшему иконоборческимъ. Недовольство монашества этимъ отношеніемъ и причины этого недовольства. Затруднительное положеніе патриарха въ борьбѣ съ монашествомъ по дѣлу о симоніанахъ. Его посланія къ игумену Іоанну и папѣ Адріану по этому дѣлу и анализъ этихъ посланій. Благопріятное для Тарасія окончаніе спора о симоніанахъ.—Второй бракъ императора Константина. Противодѣйствіе Тарасія и гнѣвъ на него Константина Недовольство Тарасіемъ монаховъ. Вступленіе на престолъ Привы. Прекращеніе разлада монаховъ съ Тарасіемъ—Положеніе Тарасія въ царствованіе Никифора.—Черты изъ жизни Тарасія, какъ проповѣдника.—Его заботы о поддержаніи достоинства церковной власти—Болѣзнь, смерть и погребеніе Тарасія

Обращаясь къ анализу взглядовъ Тарасія на иконопочитаніе, мы предварительно этого анализа считаемъ необходимымъ установить отношеніе патриарха къ тому опроверженію опредѣленія 754 г., которое было читано въ 6-мъ засѣданіи и которое представляетъ собою цѣлый обширный полемическій трактатъ. Онъ заключаетъ въ себѣ множество данныхъ, которыя позволяли бы судить о взглядахъ Тарасія на иконопочитаніе, еслибы была вѣроятность думать, что авторомъ этого трактата былъ именно патриархъ. Намъ кажется, что

¹⁾ Окончаніе См Богосл. Вѣстн. Июль, стр 302—346

такая вѣроятность существуетъ ¹⁾). Не можно утвердить на нѣкоторыхъ естественныхъ теоретическихъ соображеніяхъ и на данныхъ содержанія трактата. Прежде всего то обстоятельство, что на соборѣ не было названо имя автора—Тарасія, отнюдь не говоритъ за принадлежность трактата другому лицу, ибо и въ послѣднемъ случаѣ оставалось бы необъяснимымъ умолчаніе имени творца.—Затѣмъ мы знаемъ, что Тарасій готовился къ собору, составилъ программу его засѣданій, сдѣлалъ подборъ свидѣтельствъ въ пользу иконопочитанія, читанныхъ на соборѣ; при такихъ условіяхъ трудно допустить, чтобы выполненіе одного изъ важнѣйшихъ параграфовъ,—опроверженіе опредѣленія 754 г., парализовать дѣйствіе котораго составляло конечную цѣль всѣхъ его хлопотъ и усилій,—состоялось помимо его и было предоставлено другому лицу. Да и не видно вокругъ Тарасія никого, кого бы можно было считать авторомъ разбираемаго трактата. Думать же, чтобы трактатъ былъ или привезенъ къѣмъ-либо изъ епископовъ или написанъ во время собора въ промежутки между засѣданіями, невозможно. Трактатъ указываетъ въ авторѣ жителя столицы, знакомаго въ подробностяхъ съ положеніемъ дѣлъ при императорахъ иконоборцахъ ²⁾. Написать же его въ промежутки между засѣданіями собора было не мыслимо: напр. одна краткая выдержка собора 754 г. изъ сочиненій Θεодота Анкирскаго заставила творца трактата пересмотрѣть всѣ многочисленныя сочиненія этого автора, для чего требовалось, конечно, много времени и достаточно книгъ ³⁾.

Теоретическія соображенія объ авторствѣ Тарасія вполне подтверждаются данными содержанія трактата. Какъ главный виновникъ созванія собора и дѣйствительный председатель, Тарасій на немъ естественно много и часто говорилъ. Его посланія, рѣчи и краткія замѣтки, разсѣяанныя въ актахъ, иногда представляютъ полное сходство съ нѣко-

¹⁾ Насколько намъ извѣстно, попытки рѣшить вопросъ объ авторѣ опроверженія до сихъ поръ не было. Только проф. А. П. Лебедевъ (Изъ исторіи всел. соборовъ Москва 1876 г., стр. 298 прим.) сдѣлалъ догадку въ формѣ нетвердаго предположенія: „не Еуифаній-лц, діаконъ Сицилійскій который позднѣе обращается къ собору съ похвальною рѣчью“.

²⁾ Mansi t. XIII, col 329—330, Дѣян. стр. 263—264; col 333—А—В Дѣян. стр. 265 и др.

³⁾ Mansi t. XIII, col 311—312 Дѣян. стр. 255

торыми мѣстами трактата и притомъ часто въ такихъ пунктахъ, гдѣ трудно ожидать случайнаго совпаденія. Характерно уже сходство въ общемъ опредѣленіи метода защиты иконопочитанія у автора трактата и у Тарасія: первый въ началѣ своего труда говоритъ, что „ревнители благочестія должны выступить *γραφικῶς καὶ πατρικῶς καὶ ἐρευνητικῶς καὶ συλλογιστικῶς εἰς ἐποψίαν φληγραφθέντων*“ ¹⁾. И Тарасій при одномъ случаѣ заявляетъ о себѣ: „*καὶ αὐταὶ ἡμεῖς γραφικῶς καὶ ἐρευνητικῶς καὶ συλλογιστικῶς καὶ ἀποδεικτικῶς ἐξετίσαντες καὶ ταῖς πατρικαῖς διδασκαλίαις μαθητεύθητες*“ ²⁾. Авторъ трактата предъ изложеніемъ 82-го правила пято—шестаго собора говоритъ слѣдующее: „святый шестый вселенскій соборъ изрекъ свое опредѣленіе противъ утверждающихъ, что во Христѣ, Богѣ нашемъ, одна воля; это было во дни тогдашняго императора Константина. Когда же вскорѣ послѣ этого Константинъ скончалъ свою жизнь, и царство досталось сыну его Юстиніану, то отцы, собиравшіеся на этомъ соборѣ, опять по божественному внушенію, *спустя года четыре или пять*, собрались единодушно и изложили правила, касающіяся устройства церковныхъ дѣлъ, числомъ до ста двухъ“ ³⁾. Тарасій послѣ прочтенія 82-го правила въ 4-мъ засѣданіи говоритъ: „нѣкоторые по незнанію соблазняются относительно этихъ правилъ (пято—шестаго собора), говоря: неужели они принадлежатъ шестому собору? Пусть же они знаютъ, что святый великій шестый соборъ былъ открытъ при Константинѣ противъ тѣхъ, кои говорили, что во Христѣ одно дѣйствіе и одно хотѣніе. На немъ отцы амаѳематствовали еретиковъ и провозгласили православную вѣру; а затѣмъ возвратились домой въ 14-й годъ царствованія Константина. Спустя года *четыре или пять*, собрались тѣже при Юстиніанѣ, сынѣ Константина, и изложили упомянутыя правила“ ⁴⁾. Въ этихъ отрывкахъ останавливается на себѣ вниманіе одинаковое опредѣленіе времени созванія Трулльскаго собора: „*спустя четыре или пять лѣтъ*“ послѣ 6-го вселенскаго собора. Эта

¹⁾ Mansi t XIII, col 205—206—E

²⁾ Mansi t XII, col. 1085—1086—B eni Vita Tarasii, p 10, 13—14: *Ταράσιος λόγων περὶ τῆν θείαν γραφὴν καὶ τῶν πατρικῶν λόγιων τὰς ἀποδείξει· ἐσχόλαζε.*

³⁾ Mansi t XIII, col. 219—220—B—C. Дѣян стр 213.

⁴⁾ Mansi t XIII, col 41—42—C Дѣян. стр 129.

однаковость, конечно, ничего бы не говорила въ пользу нашего предположенія, еслибы показанная дата была вѣрна: истинныя показанія могутъ повторяться многими и оставаться неизмѣнными. Но въ томъ и дѣло, что эта дата представляетъ собою грубѣйшую ошибку, явившуюся безъ всякихъ основаній. Шестой вселенскій соборъ продолжался съ 7-го ноября 680-го года до 16-го сентября 681-го г. ¹⁾, а Трульскій соборъ имѣлъ мѣсто не „спустя четыре или пять лѣтъ“, а въ 692-мъ году ²⁾. Однаковость произвольной ошибки въ обоихъ случаяхъ и есть по нашему мнѣнію яснѣйшее доказательство принадлежности трактата Тарасію.

Характерно также сходство въ нѣкоторыхъ полемическихъ приемахъ Тарасія и автора трактата. Соборъ 754 г. въ доказательство своихъ воззрѣній между прочимъ читалъ посланіе Евсевія къ Констанціи, вдовѣ Ликинія. Тарасій въ 5-мъ засѣданіи, заявивъ объ этомъ отцамъ собора, приказалъ прочитать два мѣста изъ сочиненій Евсевія, свидѣтельствовавшихъ, что онъ былъ аріанинъ ³⁾. Точно также поступаетъ и авторъ трактата, приводя въ доказательство еретичества Евсевія между прочимъ и тѣ два мѣста, которыя велѣлъ читать Тарасіи ⁴⁾.—Тарасій 5-е засѣданіе открылъ рѣчью, въ началѣ которой говоритъ: „Богъ, предвозвѣстившій и открывшій чрезъ пророковъ Своихъ то, что имѣло совершиться, чрезъ пророка Іеремію вѣщалъ о вводящихъ новизны въ католическую церковь: *два бо зла сотвориша: Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя иже не возмогутъ воды содержать*“ ⁵⁾. Авторъ трактата въ одномъ мѣстѣ пишетъ: „къ нимъ (иконоборцамъ) прямо относится пророческое изреченіе, которое Богъ провозгласилъ чрезъ пророку Іеремію: Мене оставиша..... и т. д. (Іер. 2, 13) ⁶⁾. Совпаденіе это любопытно потому, что текстъ вовсе

¹⁾ Дѣян. всел. соб. въ рус. пер., т. 6, изд. 2, стр. 25 и 225

²⁾ См. наше изслѣдованіе о Константиноп. патріархахъ, вып. I, стр. 120, enſ. превосходное доказательство у Hefele а. а. O. s. 328—329. Объ ошибкѣ Теофана по тому же поводу мы говорили въ упомянутомъ изслѣдованіи, но Теофанъ имѣлъ хотя поводъ къ ошибкѣ; ошибка же Тарасія и автора трактата совершенно случайна.

³⁾ Mansi t. XIII, col. 176—177. Дѣян. стр. 193—194

⁴⁾ ibid col. 317—318. Дѣян. стр. 257

⁵⁾ ibid col. 157—158—D Дѣян. стр. 184.

⁶⁾ ibid col. 313—314—D Дѣян. стр. 256.

не настолько характеренъ въ отношеніи къ иконоборцамъ, чтобы его могли повторять два автора независимо другъ отъ друга.—Очень много сходнаго обнаруживаютъ Тарасій и авторъ трактата въ своихъ наблюденіяхъ ¹⁾, сравненіяхъ ²⁾ и пр., которыя невольно наклоняютъ мысль къ признанію одного источника ихъ происхожденія. Приведенныхъ соображеній и параллелей (ихъ можно значительно умножить) достаточно, чтобы считать Тарасія вѣроятнымъ авторомъ трактата, читаннаго въ 6-мъ засѣданіи собора. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ трактатъ возможно привлечь для сужденія о взглядахъ Тарасія на иконопочитаніе и о его методахъ полемики съ иконоборчествомъ и — защиты иконопочитанія, Первые Тарасій развивалъ въ виду существованія двухъ главныхъ отѣнковъ въ воззрѣніяхъ иконоборцевъ. Если одни изъ послѣднихъ считали иконопочитаніе идолопоклонствомъ и стремились къ его уничтоженію, то другіе и между ними большею частію епископы — утверждали, что достаточно имѣть иконныя изображенія для одного только напоминанія, но не лобызать ихъ ³⁾. Въ противовѣсъ первымъ Тарасій заявлялъ, что „христиане иконъ не называютъ богами, не возлагаютъ на нихъ надежды спасенія, не воздаютъ божескаго почитанія ни имъ, ни чему-либо другому, сопричисляемому къ творенію“ ⁴⁾ и „свое служеніе (*λατρεία*) относятъ къ одному Богу“ ⁵⁾. Эти положенія по существу своему чисто отрицательны: они говорятъ, какъ не должно быть, но не опредѣляютъ, какъ должно быть. Такое положительное опредѣленіе развивается Тарасіемъ въ противовѣсъ воззрѣніямъ иконоборцевъ умѣренныхъ: разъясняя читанное на соборѣ мѣсто изъ сочиненій Анастасія Теопольскаго: „поклоненіе есть обнаруженіе почтенія“, Тарасій говоритъ: „итакъ, всѣ, исповѣдующіе, что слѣдуетъ почитать святыхъ иконы,

¹⁾ Mansi t. XIII. col. 363—364 — А; Дьян стр. 278. enf. col. 55—56—С. Дьян. стр. 136

²⁾ Mansi t. XIII. col. 209—210—Е; Дьян стр. 209; Капафскій епископъ — ibid. col. 401—402—В Дьян стр. 294; ibid. col. 127—128—В. Дьян. стр. 169; посѣвъ мечемъ духа (*ἀνελεῖν τῆ μαχαίρᾳ τοῦ πνεύματος*) — ibid. col. 205—206—С. Дьян стр. 207 и мн др

³⁾ Mansi t. XIII. col. 263—264—А

⁴⁾ ibid. col. 224—Е—225—А Дьян стр. 215.

⁵⁾ ibid. col. 39—40—С

но отказывающіеся поклоняться имъ, обличаются этимъ отцомъ въ томъ, что они говорятъ лицемѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, не воздавая поклоненіе, которое есть символъ почтенія, они являются поступающими наоборотъ, т. е. оказывающими непочтеніе“¹⁾. Характеръ чествованія иконъ Тарасіи опредѣляетъ изъ сравненія ихъ съ св. сосудами²⁾: „цѣлуя икону и съ почтеніемъ поклоняясь ей, мы получаемъ освященіе (*ἁγιασμόν*) точно такъ же, какъ цѣлуя и объемя (*περιπτεῖσθόμενοι*) различные священные сосуды, мы надѣемся получить чрезъ нихъ нѣкое освященіе“³⁾.

Обращаясь къ описанію Тарасіева метода полемики съ иконоборчествомъ и защиты иконопочтанія, мы разложимъ это описаніе на отдѣлы согласно раздѣленію данному самимъ Тарасіемъ (*γραφικῶς, πατρικῶς καὶ βυλλογοπικῶς*), и сдѣлаемъ оцѣнку его положительныхъ и отрицательныхъ доказательствъ 1) изъ св. Писанія, 2) св. преданія и 3) отъ разума.

1) Кромѣ прежней ссылки на 2-ю заповѣдь десятизаконія, иконоборцы послѣ 754-го года имѣли въ своемъ распоряженіи и другія мѣста писанія: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется ему, духомъ и истинною достоинъ кланятися* (Іоан. 4, 24); *Бога никтоже видѣти нигдѣже* (Іоан. 1, 18), и: *ни гласа Его слышите, ни видѣнія Его видѣете* (Іоан. 5, 37). Затѣмъ прилагались къ православнымъ мѣста: Римл. 1, 23 и 25; 2 Кор. 5, 16; Римл. 10, 17. Второй заповѣди Тарасіи противопоставляетъ указаніе на херувимовъ скинии, а всѣ остальные мѣста при помощи отеческихъ толкованій объявляетъ недостигающими цѣли и имѣющими приложеніе только къ язычникамъ⁴⁾. Впрочемъ, для иконоборцевъ эти опроверженія Тарасіа не могли имѣть большой силы—тѣмъ болѣе, что запасъ мѣстъ изъ Св. Писанія въ пользу иконопочтанія у Тарасіа ограничился, какъ у Германа, сведеніемъ свидѣтельствъ о херувимахъ скинии⁵⁾. Быть можетъ, это было причиною, почему послѣдующіе болѣе опытные апологеты иконопочтанія патриархъ

1) Mansi t XIII, col. 55—56—С Дьян. стр. 136.

2) *ibid.* col. 39—40 — Б: *συνειδημοῦνται τοῖς ἁγίοις σκεῆσιν αἱ τίμαι ἐκόντες.*

3) *ibid.* col. 269—270—Е. Дьян. стр. 235

4) Mansi t XIII, col. 279—280 sqq. Дьян. стр. 240 и сл.

5) *ibid.* col. 3 sqq. Дьян. стр. 111 и сл.

Никифоръ и Феодоръ Студитъ рѣдко ведутъ полемику съ иконоборцами на этой почвѣ.

2) Если полемика между борющимися сторонами при помощи ссылокъ на Св. Писаніе мало подвинулась впередъ, то она сдѣлала большіе успѣхи въ другомъ направленіи, въ отысканіи нужныхъ свидѣтельствъ въ твореніяхъ древнихъ отцевъ и учителей церкви. Какъ мы видѣли, въ первое время иконоборцы обосновывались только на немногихъ мѣстахъ Св. Писанія и теоретическихъ соображеніяхъ. Германъ поступалъ также, а изъ патристическаго матеріала пользовался только однимъ выраженіемъ Василія Великаго. Послѣ 754 г. дѣло измѣнилось. Копронимовскій соборъ черпалъ изъ названнаго матеріала въ свою пользу очень много. Онъ ссылаясь между прочимъ на слова Епифанія Кипрскаго, что „не слѣдуетъ носить иконъ въ церкви“. Тарасій отвѣчаетъ на это отрицаніемъ подлинности сочиненія, изъ котораго взяты приведенныя слова, но отрицаетъ голословно и самъ, повидимому, чувствуетъ слабость своего отрицанія, ибо старается подорвать значеніе указанныхъ словъ другимъ путемъ—ссылкой на то, что современники Епифанія: Василій Великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Іоаннъ Златоустъ, Амвросій, Амфилохій и Киприилъ Іерусалимскій—не раздѣляли взглядовъ автора сочиненія, какъ онъ самъ признается въ концѣ его ¹⁾.—Словамъ Григорія Богослова, приведеннымъ иконоборцами, — „несправедливо заключать вѣру въ краскахъ, а не въ сердцахъ, потому что заключенное въ краскахъ легко стирается“, Тарасій даетъ „нравственный смыслъ“ и утверждаетъ, что подъ краскою въ данномъ случаѣ Григорій разумѣлъ „временное и непостоянное“ въ этомъ мірѣ.—Выраженія: а) Іоанна Златоустаго: „посредствомъ писанія мы наслаждаемся присутствіемъ святыхъ, имѣя образы не тѣлъ, но душъ ихъ, потому что сказанное служить образами душъ ихъ“; б) Василія Великаго: „усердное изученіе богодухновеннаго Писанія есть пространнѣйшій путь къ пріобрѣтенію того, что нужно; въ Писаніи находятся увѣщанія дѣлать добрыя дѣла и предлагаются жизнеописанія блаженнѣйшихъ мужей, какъ бы нѣкоторые одушевленные образцы богоугодной жизни, предлагаемые

¹⁾ Mansi t. XIII. col. 291—292 sqq. Дѣян. стр. 245 и сл.

для подражанія богоугоднымъ дѣламъ ихъ“; и в) Аванасія Великаго: „какъ же не пожалѣть о томъ, что зрячіе кланяются невидящимъ и одаренные слухомъ неслышающимъ? Тварь никогда не спасетъ твари“;—Тарасій ослабляетъ весьма удачно: первыя два выраженія выдержками изъ твореній тѣхъ же отцовъ: а) „что слово сообщаетъ чрезъ слухъ, то живопись молча показываетъ чрезъ изображеніе“, и б) „я полюбилъ залитое воскомъ изображеніе ради благочестиваго содержанія“....;—а третье—простымъ указаніемъ, что оно относится къ язычникамъ ¹⁾.—Слова Амфилохія Пконійскаго: „мы заботимся не о томъ, чтобы изображать красками на доскахъ тѣлесные облики, ибо въ этомъ мы не имѣемъ надобности, а о томъ, чтобы подражать добродѣтельной жизни ихъ“,—Тарасій разъясняетъ путемъ аналогіи: онъ сопоставляетъ выраженіе Астерія Амасійскаго: „не изображай Христа на одеждахъ, а лучше все, что ты тратишь на нихъ, отдай бѣднымъ“—съ однимъ повѣствованіемъ егоже, свидѣтельствующимъ, что онъ одобрялъ употребленіе иконъ.—Энергичный протестъ противъ послѣдняго со стороны Θεодота Анкирскаго уничтожается утвержденіемъ Тарасія, что въ подлинныхъ сочиненіяхъ Θεодота его нѣтъ).—Какъ Тарасій разбираетъ послѣднее свидѣтельство собора 754 г.—письма Евсевія къ Констанціи, мы уже видѣли.—Этотъ краткій обзоръ разбора Тарасіемъ патристической аргументаціи собора 754 г. даетъ легко видѣть, что патріарху не совсѣмъ удалось справиться съ своей задачей. Большинство его критическихъ замѣчаній могло имѣть значеніе только для иконопочитателей, а не для иконоборцевъ. Для послѣднихъ оставалось въ этихъ замѣчаніяхъ не мало уязвимыхъ мѣстъ, чѣмъ они не преминули воспользоваться. Слабѣ всего разборъ Тарасіемъ свидѣтельствъ Елифанія и Евсевія. Для уничтоженія ихъ значенія потребовалось все краснорѣчіе и ученость патріарха Никифора, который противъ нихъ написалъ два особые обширные трактата.

Гораздо болѣе въ своей силѣ цитаты иконоборческаго собора теряли отъ противопоставленія имъ другихъ цитатъ, чѣмъ отъ критики Тарасія. Группировка большинства по-

¹⁾ Mansi t. XIII, col 297—302 Дѣян стр. 248—250.

²⁾ Mansi t. XIII, col 301—D sqq Дѣян стр. 250 и сл

слѣднихъ, какъ мы видѣли, принадлежить ему же. Перечислять свидѣтельствъ, читанныхъ въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ собора, мы не будемъ, а ограничимся только общими замѣчаніями о нихъ.—Выше мы говорили, что на 8-мъ засѣданіи, состоявшемся въ столицѣ, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ объ иконахъ были повторены нѣкоторыя свидѣтельства, читанныя въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ собора. Намъ кажется, что выборъ ихъ изъ всей массы матеріала, обсуждавшагося на соборѣ, былъ не случаенъ. По видимому, только эти шесть свидѣтельствъ могли имѣть неоспоримое значеніе и въ глазахъ иконоборцевъ: они ясно свидѣлствуютъ о древности обычая *имѣть иконы и почитать ихъ*. Всѣ опущенныя въ 8-мъ засѣданіи выдержки можно раздѣлить на два класса: въ однихъ изъ нихъ говорится собственно о священныхъ картинахъ безъ указанія на ихъ чествованіе ¹⁾, а въ другихъ разсказывается о чудесахъ отъ иконъ. Уже такое общее содержаніе этихъ выдержекъ дастъ видѣть, почему въ 8-мъ засѣданіи не было прочтено ни одной изъ нихъ: онѣ не могли служить той цѣли, которую имѣлъ въ виду соборъ,—первая потому, что не доказывали необходимости *почитать* иконы, а вторая потому, что сила ихъ обуславливалась указаніемъ на чудеса, которыхъ не признавали иконоборцы. Это послѣднее положеніе можно вывести уже аргюи: отрицая чествованіе иконъ, иконоборцы должны были отвергать и возможность чудесъ отъ нихъ. Такое предположеніе подтверждается однимъ характернымъ случаемъ, имѣвшимъ мѣсто въ 4-мъ засѣданіи собора: по прочтеніи слова Аѳанасія Великаго о чудѣ отъ иконы Иисуса Христа Тарасій сказалъ слѣдующее: „можетъ быть, кто либо скажетъ: „почему иконы въ наше время (*παρ' ημῶν*) не творять чудесъ?“ Отвѣчаемъ: потому, что знаменія даются, какъ сказалъ апостоль, тѣмъ, кои не вѣруютъ, а не тѣмъ, кои вѣруютъ. Тѣ, которые прибѣгали къ этой иконѣ (І. Христа), были люди невѣрующіе; поэтому Богъ и совершилъ чрезъ нее значеніе, чтобы привлечь ихъ къ нашей христіанской вѣрѣ, ибо *родъ лукавъ и прелюбодѣй знаменія ищетъ и знаменіе не дается* ему (Мѳ. 12, 39)“ ²⁾. Разъясне-

¹⁾ См напр выдержку изъ посланія Кирилла Александрійскаго къ Акакію Скиеопольскому Mansi t. XIII, col. 11—12 и др

²⁾ Mansi t XIII, col. 31—32—В. Дьян. стр 124

ніе Тарасія для насъ важно въ томъ отношеніи, что заставляетъ подразумѣвать такихъ лицъ, для которыхъ оно было нужно, которые не вѣрили въ возможность чудесъ отъ иконъ, потому что не видѣли ихъ въ свое время. — Данное объясненіе, почему въ 8-мъ засѣданіи не было повторено ни одного разсказа о чудесахъ отъ иконъ, вполне оправдывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдующая апологетика, напр. въ лицѣ патріарха Никифора, какъ увидимъ, почти совершенно оставила такой приемъ для доказательства истины иконопочитація, хотя Германъ, какъ мы знаемъ уже, считалъ этотъ приемъ главнымъ (*κεφάλαιον*). — Въ патристическихъ доказательствахъ Тарасія слѣдуетъ отмѣтить еще одну особенность. Выше приведенныя выдержки, находящіяся въ опредѣленіи собора 754 г., представляютъ собою не все, что было прочитано и обсуждено на этомъ соборѣ: нѣкоторые свидѣтельства не были включены въ опредѣленіе и находились только въ актахъ засѣданій. Это однако не слагало съ Тарасія обязанности подвергнуть критикѣ и ихъ. Такъ какъ при разборѣ опредѣленія сдѣлать это было не удобно, то Тарасіи обсужденіе ихъ предлагать въ 4-мъ и 5-мъ засѣданіяхъ ¹⁾.

Выше указаны слабыя стороны критики Тарасіемъ свято-теческихъ свидѣтельствъ, на которыя опирался соборъ 754-го года. Это однако отнюдь не значитъ, что критика имѣла мало значенія. Въ соединеніи съ положительными доказательствами она должна была произвести сильное впечатлѣніе какъ на православныхъ, такъ и на иконоборцевъ. Заслуги Тарасія въ данномъ случаѣ можно оцѣнить только при томъ условіи, если обратить вниманіе на недавнее прошлое иконоборчества и православія. Послѣ собора 754 г. православіе было совершенно беззащитно: выдвинутыя иконоборцами аргументы, особенно патристическія свидѣтельства, не имѣли никакого противовѣса со стороны православныхъ и легко производили среди нихъ смущеніе. Въ 4-мъ дѣяніи записанъ одинъ любопытный случай: Ілія, протопресвитеръ Влахернской церкви — той, въ которой засѣдалъ соборъ 754 г., читалъ 82-е правило Трулльскаго со-

¹⁾ Mansi t XIII, col. 35 — 38. Дѣян. стр. 126—127, col. 167 — 174 Дѣян. стр. 189—193 и др.

бора и по прочтеніи обратился къ членамъ собора съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „честные и святые отцы! Никто по грѣхамъ моимъ не принадлежалъ гоненію на церковь болѣе меня; но настоящая хартія была для меня удою, къ ней подписались отцы шестого собора и привели меня къ православной вѣрѣ“ ¹⁾. Так. обр. запасъ патристическихъ свидѣтельствъ, обращавшихся среди иконопочитателей до 787 г., былъ до того скуденъ, что для протопресвитера одного изъ важнѣйшихъ столичныхъ храмовъ правило вселенскаго собора было настоящимъ откровеніемъ, возвратившимъ его на путь истины. Отсюда легко понять, какъ должна была подѣйствовать на иконоборцевъ цѣлая группа ясныхъ доказательствъ въ пользу иконопочитанія и обнаруженіе того, что соборъ 754-го года былъ не совсѣмъ остороженъ въ своихъ цитатахъ: приводилъ свидѣтельства подложныя (Ѳеодота Анкирскаго) и изъ сочиненій еретическихъ, искажалъ и урѣзывалъ нѣкоторыя изъ нихъ и пр. ²⁾ Тарасій, если и не уничтожилъ совершенно аргументаціи собора 754 г., то подорвалъ ее: православіе и ересь съ этой стороны стали теперь въ положеніе противниковъ равносильныхъ.

3) Несравненно больше значенія, чѣмъ всѣ перечисленные аргументы изъ Св. Писанія и преданія, въ глазахъ иконоборцевъ имѣли теоретическія соображенія собора 754 г. противъ иконопочитанія. Софистика зашла такъ далеко, что объявила „живопись искусствомъ, богохульствующимъ противъ самаго главнаго догмата нашего спасенія, именно противъ домостроительства во Христѣ ³⁾“. Въ этомъ общемъ обвиненіи соборъ 754 г. различаетъ затѣмъ три частныхъ момента: „вотъ сдѣлалъ живописецъ икону и назвалъ ее Христомъ; а имя Христосъ есть имя и Бога и человѣка; слѣдовательно, и икона есть икона и Бога и человѣка; и, слѣдовательно, онъ описалъ неопишемое Божество описаніемъ тварной плоти, или слѣлъ неслитное соединеніе и впасть въ нечестивое заблужденіе сліяніи. Онъ допустилъ так. обр. относительно Божества два богохульства: *описанность*

¹⁾ Mansi t. XIII, col. 41—42 A—B. Русскій переводъ (стр. 129) не точенъ.

²⁾ См. мѣста, цитированныя въ примѣчаніи, 468 стр.

³⁾ Mansi t. XIII, col. 239—240—С.: *ἐβρουεν εἰς αὐτὸ τὸ καίριον δόγμα τῆς σωτηρίας ἡμῶν ἦτοι εἰς τὴν κατὰ Χριστὸν οἰκονομίαν, τὴν τῶν ἑωγράφων τέχνην βλασφημοῦσαν*

и слияніе. Тѣмъ же самымъ богохульствамъ поднадаетъ и поклоняющіиися иконамъ. Но одинаково горе и тому и другому, потому что они блуждаютъ вмѣстѣ съ Аріемъ и Діоскоромъ, съ Евтихіемъ и послѣдователями ереси акефалитовъ 1)“. Предполагаемое возраженіе со стороны православныхъ: „мы изображаемъ икону одной плоти, которую мы видѣли, осязали и съ которою обращались“,—заставляетъ соборъ высказать третье обвиненіе: „это нечестиво и есть изобрѣтеніе *несторіанскаго зломыслия* 2)“.

Приведенные софизмы построены гораздо искуснѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Въ основѣ ихъ лежатъ пзвѣстное опредѣленіе Халкидонскаго собора о соединеніи естествъ во Христѣ „неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно и неразлучно“ и—мысль, что Божеское естество неопишимо. Тарасіи справедливо возмущается чудовищными выводами изъ посылокъ, но не расцутываетъ софистическаго узла. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „ересь Діоскора и Евтихіа противоположна ереси Несторія, а чтобы ереси противоположныя находились въ одномъ и томъ же ученіи и исповѣданіи, это невозможно—подобно тому, какъ невозможно видѣть въ одномъ и томъ же предметѣ въ одно и тоже время бѣлое и черное, горячее и холодное въ несмѣшанномъ состояніи 3)“. Какъ видно, это замѣчаніе Тарасія не достигаетъ цѣли: обвиненіи въ слияніи и раздѣленіи естествъ во Христѣ иконоборцы не соединяютъ, а выдвигаютъ въ видѣ дилеммы: если православные освободятся отъ одного, то подвергаются непременно другому 4). Это замѣтно отражается и на ходѣ аргументаціи Тарасія: обвиненіе въ слияніи естествъ и въ опишимости Божеста Христа онъ отвергаетъ, говоря: „Господи, какъ совершенный человекъ, будучи плотію въ Галилеѣ, не быть въ тоже время въ Иудеѣ. И это Онъ Самъ удостовѣряетъ словами: *идель во Иудею паки* (Іоан. 11, 7). Также, разговаривая съ учениками Своими о Лазарѣ, Онъ сказалъ: *радиюся васъ ради... яко не бѣхъ тамо* (Іоан. 11, 15), а какъ Богъ Онъ находился во всякомъ мѣстѣ

1) Mansi t XIII, col 251—252—A Дьян стр 226

2) Ibid col 253—256 B Дьян. стр 228

3) Mansi t III, col 259—260 D Дьян стр 229—231

4) Ibid enf. Schwarzlose a a o S 96—97

владычества Своего, всюду оставаясь неописаннымъ ¹⁾“. Но допустивъ, что икона изображаетъ Христа, какъ „совершеннаго человѣка“, Тарасій поставилъ себя въ пѣкоторое затрудненіе опровергнуть обвиненіе въ несторіанствѣ. Въсто критики обвиненія оиѣ ограничивается простымъ утвержденіемъ: „Христіане знаютъ Единаго Еммануила—Христа Господа и Его живописно изображаютъ, поскольку Слово сдѣлалось плотію. Они *отгоняютъ отъ себя всякое пустословіе и простосердечно* принимаютъ все, преданное въ церкви. Смотря на живописныя изображенія, они не помышляютъ ни о чемъ другомъ, какъ только о томъ, что на нихъ изображено ²⁾“. Тарасій, разумѣется, совершенно правъ, но нельзя не видѣть, что и разбираемое имъ обвиненіе потеряло мало силы.

Это обстоятельство очень важно: только уяснивъ его, можно понять, зачѣмъ патриарху Никифору послѣ пришлось цитировать цѣлыя огромныя трактаты, содержаніе которыхъ составляетъ главнымъ образомъ критика трехъ указанныхъ обвиненій. Иконоборцы и послѣ критики Тарасія были убѣждены, что эти обвиненія имѣютъ „силу непобѣдимую и несокрушимую ³⁾“.

Забывая нѣсколько впередъ, замѣтимъ здѣсь, что эта „непобѣдимая сила“ изложенныхъ обвиненій заключала уже въ самой себѣ задатки пораженія иконоборцевъ. Переводя споръ объ иконопочитаніи насильственно на догматическую почву, ударяясь въ область софистики (*παραβλλοριζόμενοι βοφιστικῶς*) ⁴⁾, иконоборцы тѣмъ самымъ рыли подъ собою яму: прежде доступный даже для массы по своей простотѣ споръ по необходимости теперь долженъ былъ становиться дѣломъ тѣснаго богословскаго кружка и перестать интересовать массу населенія. Имѣя это въ виду, нужно думать, что слабость Тарасіевой критики иконоборческихъ аргументовъ отъ разума не должна была дурно отозваться на успѣхахъ православія послѣ 787-го года. Съ своими софизмами иконоборцы могли сдѣлать немного, а между тѣмъ всеѣмъ понятныя, а потому и болѣе опасныя, ихъ возраженія изъ св. пре-

¹⁾ Mansi t. XIII, col. 253—254—D Дьян стр. 228

²⁾ Ibid col. 255—256—C Дьян. стр. 228.

³⁾ S Nicephori Antirrheticus I adv Constantinum Copr Migne t 100, col 235—236—D: *ἀτροσιμάχτων τὴν δεινώσιν καὶ ἀναντιρρήτων*

⁴⁾ Ibid col 259—260—C

данія и св. Писанія были ослаблены Тарасіемъ, какъ мы видѣли, очень значительно.

Намъ остается теперь перечислить только *положительныя* основанія отъ разума, которыя приводилъ Тарасій въ пользу иконопочитанія. Они не многочисленны, но нѣсколько измѣнились по сравненію съ тѣмъ, какъ мы ихъ видѣли у Германа. 1) Если Германъ говорилъ, что „иконы приготовляются для того, чтобы посредствомъ этихъ образовъ выразить любовь нашу, которую мы справедливо питаемъ къ истиннымъ рабамъ Бога нашего“, то Тарасій рядомъ съ этимъ мотивомъ выдвигаетъ и другой: „цѣлѹя икону и съ почитеніемъ покланяясь ей, мы получаемъ освященіе 1)“. 2) Если по мнѣнію перваго „иконы нужны для руководства тѣхъ, которые не могутъ подняться на высоту духовнаго созерцанія“, то послѣдній уже не дѣлаетъ различія и говоритъ просто: „при чтеніи мы ушами воспринимаемъ слышанное и отсылаемъ (*παράλειπομεν*) къ своему уму; и когда созерцаемъ иконныя изображенія, тоже просвѣщаемся умственно. Этими двумя способами, другъ другу сопутствующими, т. е. посредствомъ чтенія и живописныхъ изображеній, мы получаемъ познаніе объ одномъ и томъ же 2)“. 3) Аргументъ Германа, что иконы совершаютъ чудеса, Тарасіемъ не приводится по причинамъ, указаннымъ выше. 4) Но за то у Тарасія выступаетъ доказательство, которымъ не пользовался Германъ, именно мысль, что иконоборчество ведетъ за собою „испроверженіе великаго и спасительнаго таинства—домостроительства Христова 3)“. Это доказательство заслуживаетъ надлежащаго обсужденія особенно въ виду появившагося въ послѣднее время въ наукѣ мнѣнія, что православные, отстаивая иконопочитаніе, боролись въ сущности за догматъ искупленія, что именно это-то и сообщало борьбѣ характеръ такой напряженности, которую не отличались даже предшествующіе чисто догматическіе споры 4). Насколько намъ извѣстно, обвиненіе въ испроверженіи дог-

1) Mansi t. XIII, col. 269—270 E. *μετὰ λαίβερον ἐν ἑαυτοῖς*

2) Mansi XIII, col. 219—220 E. Дѣян стр. 213

3) Ibid col. 287—288 B: *σπείδουσι τὸ μέγα τῆς σωτηρίας μυστήριον τῆς οἰκονομίας Χριστοῦ ἀνιστρέψαι*

4) A. Harnack Lehrbuch der Dogmengeschichte Freiburg 1887, B. 2, S. 452, особенно Schwarzlose a. a. O. S. 15. 187—189, Vorwort s. V—VI и пр.

мата искушенія въ литературѣ православныхъ стало появляться только послѣ собора 754-го года. Этотъ соборъ, какъ мы видѣли, тоже обвинялъ иконопочитателей въ „богохульствѣ противъ самаго главнаго догмата нашего спасенія“ Въ виду такого совпаденія представляется естественнымъ думать, что указанное обвиненіе православныхъ появилось *только* въ противовѣсъ такому же обвиненію иконоборцевъ и было въ ихъ рукахъ *только* полемическимъ приѣмомъ, какъ и у первыхъ. Такое пониманіе дѣла подтверждается разсмотрѣніемъ тѣхъ случаевъ, когда православнымъ,—въ нашемъ случаѣ Тарасію,—приходилось выдвигать названное обвиненіе. Въ одномъ мѣстѣ онъ строитъ слѣдующій сложный силлогизмъ: „Евсевій Памфилъ приводится иконоборцами во свидѣтельство; а *между тѣмъ* вся католическая церковь признаетъ его за сторонника ереси Арія. Бога Слово онъ называетъ вторымъ поклоняемымъ и помощникомъ Отца, а также имѣющимъ вторую степень достоинства....., говоритъ, что святая плоть Господа превратилась въ естество Божества. Утверждая, что естества слились въ одно, *онъ не принимаетъ и иконы*, какъ это дѣлаетъ и весь совмъ приверженцевъ аріанства. Они проповѣдуютъ, что Господь пангъ вочеловѣчился безъ разумной души и вмѣсто нея имѣлъ Божество. Это *гозорили они*, какъ свидѣтельствуемъ Григорій Богословъ, *для того*, чтобы перенести страданіе на Божество, и, *какъ проповѣдующіе страданіе Божества, они не принимали иконы* 1)“. Легко видѣть, что такое умозаключеніе представляетъ собою не болѣе, какъ полемическій приѣмъ, *вынужденный* нападеніями противника. Слова, предшествующія приведеннымъ строкамъ, вполне подтверждаютъ это: „если проклинающій древняго Израиля проклять и благословляющій его благословенъ, *то* *восколько* *разъ* болѣе подверженъ проклятію проклинающій *церковь Божию*“ И кто не будетъ гнущаться ими, когда они говорятъ, что церковь впала въ тоже, какъ Аріій, Діоскоръ, Евтихій и ересь акефалитовъ: между тѣмъ какъ они сами имѣли этихъ людей *своими руководителями* и начальниками своей новоизмышленной ереси“.—Въ пятомъ за сѣданіи послѣ обсужденія отрывка изъ одного манихейскаго

1) Mansi t. XIII, col. 253—254. А—В Дьян стр. 227. ент. col. 317—318. Дьян стр. 257—258.

сочиненія, на который между прочимъ опирался соборъ 754 г., Тарасій сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: „обратимъ вниманіе, священные мужи, кто не принималъ честныхъ иконъ: отвергавшіе крещеніе малыхъ, утверждавшіе, что *домостроительство Христова призрочно*: смрадное ученіе ихъ и дало опору (*ἀφορμῆς*) вводителемъ ереси клеветниковъ на христіанъ 1)“.—Подвергая критикѣ утвержденіе иконоборцевъ, что „церковь разграблена коварствомъ дѣволовъ“, Тарасій замѣчаетъ, что оно противорѣчитъ „обѣтованіямъ, какія церковь получила отъ своего Основателя“, и слѣдовательно, „влечетъ за собою отрпцаніе домостроительства 2)“. Никогда Тарасій не дѣлаетъ такихъ выводовъ безъ отношенія къ обвиненіямъ иконоборцевъ, никогда не разъясняетъ прямой логической связи между иконоборчествомъ и отрпцаніемъ догмата искупленія, а устанавливаетъ между ними связь только механическую на основаніи побочныхъ соображеній. Утверждать при такихъ условіяхъ, что онъ, а равно и другіе апологеты, защищая иконопочитаніе, боролись собственно за догматъ искупленія, намъ кажется, совершенно невозможно.

Въ заключеніе обзора дѣятельности Тарасія на соборѣ намъ остается сдѣлать нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ каноническихкихъ постановленіяхъ 787-го года. Зная, какъ Тарасій направлялъ ходъ соборныхъ засѣданій, трудно отрѣшиться отъ мысли, что и правила составлены соборомъ главнымъ образомъ по его указаніямъ. Нѣкоторыя изъ нихъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно предложены для соборнаго утвержденія патріархомъ, какъ о томъ говоритъ самое содержаніе правилъ 3). О многихъ другихъ правилахъ хотя и нельзя утверждать того же прямо, но самый характеръ ихъ даетъ понять, что они были необходимымъ дополненіемъ той программы, которую стремился осуществить Тарасій въ видахъ наиболѣе полнаго торжества православія. Разсматриваемая въ связи, почти всѣ правила удобно могутъ быть раздѣлены на два разряда: одни преслѣдуютъ злоупотребленія, источникомъ которыхъ была церковная политика иконоборческаго

1) Mansi t. XIII, col 181—182 В Дѣян. стр 196

2) Ibid col. 225—228 Дѣян стр. 217.

3) См пр 10, 11, 15

правления, а другія направлены противъ тѣхъ нестремлѣній въ церковной жизни, на которыя опирались иконоборцы и которыя служили нѣкоторымъ оправданіемъ ихъ репрессивныхъ мѣръ, особенно относительно монашества.

Какъ мы говорили выше, иконоборческіе императоры старались замѣщать епископскія кathedры лицами, объявлявшими себя на сторонѣ реформы, причемъ главнымъ достоинствомъ, дававшимъ преимущество одному изъ многихъ кандидатовъ, естественно считалась наибольшая ревность его къ дѣлу реформы. Такая политика открывала дорогу къ кathedрамъ людямъ сомнительныхъ качествъ во всѣхъ отношеніяхъ, на что, какъ мы видѣли, указывалъ авторъ 4-й рѣчи за иконы, приписываемой Іоанну Дамаскину. Для устраненія неприглядныхъ явленій въ этой области избраніе епископовъ и вообще клириковъ мірскими начальниками правила считаютъ недѣйствительнымъ ¹⁾; отъ кандидата на епископство—требуютъ, чтобы онъ „зналъ въ совершенствѣ псалтирь (*πάρτος τὸ ψαλτήριον γινώσκειν*), съ разсужденіемъ (*ἐρευνήτικῶς*), а не бѣгло (*παροδευτικῶς*) читалъ священныя правила, святое Евангеліе, книгу божественнаго апостола и все божественное Писаніе, чтобы онъ былъ подготовленъ къ жизни, согласной съ божественными заповѣдями и къ ученію вѣреннаго ему народа“ ²⁾. Какъ господствующій порокъ среди высшаго духовенства, осуждается сребролюбіе, требованіе подарковъ отъ рукополагаемыхъ, расхищеніе монастырскихъ имуществъ ³⁾, отсюда франтовство въ одеждѣ и пр. пороки ⁴⁾.—Иконоборцы, какъ мы видѣли, вмѣстѣ съ иконами преслѣдовали почитаніе мощей, собственно частицъ ихъ, а не останковъ прославленныхъ святыхъ; 7-е правило требуетъ положенія мощей мучениковъ во всѣхъ храмахъ.—Левъ Исавръ, какъ говорено въ очеркѣ о Германѣ, прибѣгалъ даже къ насильственнымъ мѣрамъ для привлеченія евреевъ въ церковь. Это стремленіе принесло печальныя плоды: крещенные принимали только имя христіанъ и подъ покровомъ этого имени могли удобно распространять мысли іудейства объ

¹⁾ пр 3.

²⁾ пр 2

³⁾ пр 4, 5 и 12

⁴⁾ пр 16 и 18.

иконопочитаніи. Вѣроятно, главнымъ образомъ въ виду этого правило 8-е допускаетъ въ церковь только тѣхъ іудеевъ, которые дадутъ доказательства искренности своего обращенія.—Наконецъ, правило 13-е требуетъ возстановленія упраздненныхъ иконоборцами и обращенныхъ на мірскія нужды монастырей.—Всѣ, относящіяся ко 2-му разряду, правила касаются жизни монашества. Какъ говорено, самымъ слабымъ мѣстомъ въ этой жизни, которымъ пользовались въ своихъ интересахъ иконоборцы для поруганія монашескаго чина, были двойные монастыри. Правило 20-е требуетъ ихъ уничтоженія. Другія правила бичуютъ нарушенія обѣта нестяжательности ¹⁾, безпорядки въ монастырскомъ хозяйствѣ ²⁾, бродяжничество и своеволие монаховъ ³⁾ и излишнюю близость ихъ съ женщинами ⁴⁾.—Всѣ правила послѣдняго класса, не смотря на ихъ немногочисленность, захватываютъ собою въ существѣ дѣла почти всю область наиболѣе важныхъ недостатковъ монашеской жизни. Въ стремленіи устранить эти недостатки цѣльза не видѣть желанія Тарасія уничтожить одинъ изъ самыхъ главныхъ мотивовъ борьбы для иконоборцевъ. Соблазны, производимые монахами, естественно поддерживали враждебное настроеніе партіи реформы, оправдывали въ глазахъ народа ея дѣйствія, какъ это мы видѣли выше. Но само собою разумѣется, что мѣры противъ названныхъ безпорядковъ отнюдь не могли быть пріятны для монашества. При существовавшемъ положеніи вещей оно скорѣе настроено было слушать о своихъ подвигахъ въ борьбѣ за иконопочитаніе, чѣмъ о слабости дисциплины въ его средѣ. Это разочарованіе естественно перешло въ раздраженіе. Если пріять, что Тарасій при обсужденіи правилъ былъ такимъ же руководителемъ собора, какъ и въ предшествующихъ засѣданіяхъ, то легко понять и то, на кого должно было излиться это раздраженіе.

Желательный исходъ собора далеко не былъ осуществленіемъ стремленій Тарасія и Прины, а только началомъ такого осуществленія. Иконопочитаніе приобрѣло снова господствующее

¹⁾ пр. 19

²⁾ пр. 11 и 12

³⁾ пр. 17 и 21

⁴⁾ пр. 18 и 22

щее положеніе, но положеніе это имѣло подь собою пока непрочную опору, много зависѣвшую отъ настроенія массы народа. Объявленіе соборныхъ постановленій, какъ мы видѣли, произвело впечатлѣніе на населеніе столицы, но было бы не осмотрительно придавать этому впечатлѣнію слишкомъ большое значеніе. Нужны были разъясненія, руководство, чтобы успокоить возбужденные иконоборческой пропагандой умы. Задача этого руководства лежала ближайшимъ образомъ на Тарасіѣ, и онъ дѣлалъ все для ея выполненія. Самымъ естественнымъ средствомъ для этого была церковная проповѣдь, и Тарасіѣ проповѣдывалъ постоянно и неутомимо ¹⁾. Имѣя дѣло въ этомъ случаѣ не съ образованными иконоборцами, силлогизмы которыхъ требовали соответственнаго логическаго оружія, а съ массой народа, симпатіи которой къ той или другой сторонѣ естественно должны были опираться на доводахъ болѣе простыхъ и, такъ сказать, осязательныхъ, патриархъ въ своихъ поученіяхъ ставилъ удареніе на разъясненіи преимущественно той мысли, что обвиненіе въ идолопоклонствѣ, возводимое иконоборцами на православныхъ, не имѣетъ для себя никакихъ основаній ²⁾. Это простое и всемъ доступное отрицательное доказательство соединялось съ такимъ же простымъ приемомъ положительнымъ. Тарасіѣ часто говорилъ похвальные слова мученикамъ. Къ этимъ словамъ „онъ призывалъ на помощь доступное взорамъ каждаго писаніе и самую простую книгу, а именно: онъ возстановилъ въ священныхъ храмахъ изображенія мученическихъ подвиговъ ... , ибо зналъ, что глазъ преимуществуетъ предъ словомъ“ ³⁾. Дѣйствіе этого приема на массу, какъ даетъ понять Игнатіѣ, было чрезвычайно сильно ⁴⁾.—Вліяя на массу, Тарасіѣ не упускалъ изъ виду и отдѣльныхъ лицъ, иконоборческія возрѣнія которыхъ

¹⁾ Vita Tarasii p. 29, 9: *ὁσίμερα*

²⁾ *ibid.* p. 12, 13—15: *ἀλεθείαν μηθείαν συσφώνων ἔχειν ἢ παντελῶν πικρὰ κατὰθεσι, κατὰ τὸ δοκοῦν τοῖς κατηγοροῖς τῆς πίστεως τῶ τῶν εἰδώλων ἄγρ, πρὸς τὰ τῶν σεπτῶν εἰκότων εὐαγῆ καὶ θεῖα μορφώματα*

³⁾ Vita Tarasii p. 20, 8—15 *τοῖς (καρτίστας) ἱεροπαιτῶν καὶ ὡς θητισι στέφων διὰ λόγων νικητικοῖς διαδήμασι καὶ γελῶν εἰς βοήθειαν τοῖ ὀφθαλμοῖς πάντων ἐτοίμων γραφῆν καὶ βιβλίον σὺτόματον ἐν τοῖς ἱεροῖς τοῖς ἀγῶνας τῶτων ἐγγράμμασ ἀνεστῆλωσεν γὰρ οὐδεν ὀφθαλμοῖς τῆς ἐροῖς ἐπιπροσθε γίνεσθαι*

⁴⁾ *ibid.* p. 20, 18—35, 21, 22. 1—5

были болѣе сознательны, а потому и болѣе тверды. Необыкновенная терпимость, отличавшая всѣ дѣйствія патріарха, дѣлала возможнымъ, что такія лица не ожесточались и не замыкались въ своемъ упорствѣ при смѣнившемся не въ пользу реформы положеніи вещей, а сами шли къ патріарху и смѣло вступали съ нимъ въ споры. Мягкое отношеніе къ противникамъ не замедлило принести добрые плоды: „хромавшіе на обѣ ноги“ (.....*ἀμφοτέρας ἡνύαις ἀκλάζοντες*) начинали ходить прямо, благодаря простымъ вразумленіямъ (*δυσωπηταῖς ὑποθήκαις*), а по отношенію къ болѣе упорнымъ (*στραγγαλιώδεις τὴν καρδίαν*) онъ употреблялъ приемы наиболѣе сложной полемики, съ которыми мы уже знакомы,—и достигалъ цѣли ¹⁾). Одинъ изъ примѣровъ, иллюстрирующихъ эти общія показанія Игнатія, представляетъ собою упоминавшійся выше протопресвитеръ Влахерненской церкви Ілія, который самъ о себѣ рассказываетъ, что изъ ревностнаго иконоборца онъ сдѣлался православнымъ, благодаря бесѣдамъ съ патріархомъ ²⁾).

Но „одинъ въ полѣ не воинъ“.... Хотя большинство епископовъ имперіи и провозгласило на соборѣ иконопочитаніе, но едва-ли Тарасій могъ рассчитывать на ревностную пропаганду съ ихъ стороны опредѣленіи собора. Какъ ни противорѣчило это его планамъ, но онъ даже самъ, какъ мы видѣли, высказывать сомнѣніе въ искренности обращенія нѣкоторыхъ епископовъ. Было, конечно, много и искренно православныхъ іерарховъ, но по отношенію къ значительной части ихъ соборъ оказалъ пользу больше отрицательную, чѣмъ положительную, сдѣлалъ ихъ безвредными для православія, но не могъ измѣнить ихъ въ ревностныхъ дѣятелей его. Последнихъ долженъ былъ приготовить самъ Тарасій подъ своимъ руководствомъ въ своей школѣ. Такою школою и былъ основанный имъ на собственные средства монастырь неподалеку отъ Константинополя, на берегу Воспора Фракійскаго. Какъ дасть понятіе Игнатію, составъ братіи этого монастыря былъ подобранъ очень тщательно. Въ виду цѣли основанія монастыря естественно предположить, что иноки его посвящали достаточно времени научнымъ занятіямъ, которыя нужны

¹⁾ Vita Tarasii p 12, 9—13

²⁾ Mansi t XIII, col 41—42—В. Дьян стр 129.

были для многихъ изъ нихъ на ихъ будущей службѣ православію и защитѣ его противъ ереси. Образованность и опытность въ этой защитѣ ихъ покровителя располагаетъ думать, что занятія были поставлены умѣло и шли успѣшно. Изъ этихъ монаховъ Тарасій „многихъ призвалъ къ пастырству и украсилъ ими престолы священства; они явились непоколебимыми столпами православія, какъ показало потомъ страшное наводненіе ереси (при Львѣ Армянинѣ). Сражаясь мужественно съ нею и подвергаясь многимъ опасностямъ, гоненіямъ, мученіямъ и публичнымъ поруганіямъ, они побороли его для блеска высшаго свѣта, чѣмъ они показали, что учитель ихъ былъ свѣтъ незаходимый“¹⁾.

Дальнѣйшіе факты жизни и дѣятельности Тарасія обусловливались и опредѣлялись тѣмъ же, чѣмъ и факты уже отмѣченные, т. е., его стремленіями ослабить враждебное настроеніе иконоборческой партіи, привлечь ея сторонниковъ въ лоно церкви, списывая ихъ провинностямъ и предавая забвенію ихъ прошлое. Какъ до собора и на соборѣ, такъ и послѣ собора Тарасій и лучшие изъ епископовъ имперіи „лицамъ изъ клириковъ и епископовъ прощали прежнихъ зломыслие и рукоположенныхъ еретиками не удаляли съ церковной нивы. Слѣдуя соборной и отеческой экономіи, они обращавшихся къ благочестію принимали съ распростертыми объятіями, какъ братьевъ и сослужителей и поручали имъ кафедры и должности: тѣхъ, которые сначала хромали и мыслили о вѣрѣ превратно, а потомъ, отказавшись отъ заблужденія, грамотами и клятвами отреклись отъ своихъ прежнихъ мнѣній, они приняли съ любовію и оставили ихъ на ихъ кафедрахъ, *сохранивъ такимъ образомъ вселенскую церковь въ мирѣ и невозмутимой тишинѣ*“²⁾. Это извѣстіе осо-

1) Vita Tarasii p. 9, 15—27: *ἐξ ὧν πολλοῖς εἰς ποιμαντηρὴν ἰπ' αὐτοῦ προσκληθῆναι καὶ νοσηθῆναι τὸ τῆς ἱερατείας ἀξίως ἐπάγγελμα καὶ στίλους ἐκλινεῖς τῆς καθόλου γενέσθαι πίστews, ὡς ἡ τῆς αἰρέσεως ἔδειξεν ἐπισπιλάσασα ζωφώδης ἐτίκλως, πρὸς ἣν ἀνδρικῶς μαχεσάμενοι καὶ νέφη πολλῶν ὑπενεγκότες κινδύνων ἐν διωγμοῖς τε καὶ θλίψεσι καὶ ταλαιπωρίας ὑπαίθεροις πρὸς τὴν αἰγλήν τὴν ζῶν θεοδοχίας κατέλυσαν...*

2) Vita Tarasii p. 11, 33 37—12, 1—7. *Ταράσιος καὶ οἱ τῶν θρόνων ἀπόλεκτοι θιασῶται. καὶ μετὰ τὴν σύνοδον τοῖς ἐν τῷ κλήρῳ κατελεγμένοις ἢ τῆς ἐπισκοπῆς ἀντεχομένοις ἀκριτῶς ἐλάγουσι περὶ τῆς προλαβοῦσης κακοδοσίας οὐδὲ τοῖς ἐξ αἰρετικῶν χειροθετημένους τῆς ἐκκλησιαστικῆς νομῆς ἀσφραδίζουσι. ἀλλὰ τοῖς σι-*

бенно важно для сужденія о положеніи послѣ собора бѣлаго духовенства, такъ какъ вопросъ о принятіи епископовъ былъ рѣшенъ уже на соборѣ, членами котораго большинство изъ нихъ было. У Тарасія не было основаній поступать съ духовенствомъ отлично отъ того, какъ было рѣшено соборомъ поступать съ покаявшимися епископами. На практикѣ такія мѣры дѣйствительно должны были вести къ церковному миру.

Но къ миру только съ иконоборцами. Взамѣнъ пріобрѣтенія бывшихъ еретиковъ въ лоно церкви Тарасій этими мѣрами возстановилъ противъ себя большую часть тогдашняго монашества. Довольно ясные признаки зараждающейся борьбы мы отмѣтили выше при изложеніи того, какъ были приняты соборомъ покаявшіеся епископы. Мы сдѣлали тогда предположеніе, что продолжительныя и горячія пренія между патріархомъ и партіей строгихъ, большую часть которой составили монахи, имѣли подкладку болѣе реальную, чѣмъ различіе читанныхъ на соборѣ правилъ и разныхъ примѣровъ. Упорное противодѣйствіе доводамъ Тарасія со стороны монаховъ мы склонны были объяснять излишнимъ возбужденіемъ послѣднихъ противъ своихъ недавнихъ преслѣдователей. Эта субъективная точка зрѣнія на предметъ дѣлала тщетною всю аргументацію Тарасія въ пользу своихъ взглядовъ. Монахи этой аргументаціи покорились, но съ ней не согласились и не примирились. Нѣкоторые рассказанные уже эпизоды на соборѣ подтверждали такое пониманіе положенія дѣлъ. Поведеніе монаховъ послѣ собора еще болѣе убѣждаетъ въ правдивости такого пониманія. Θεόδωρὸς Студитъ, обсуждая однажды отношенія монаховъ къ Тарасію, рѣшалъ вопросъ о томъ „что было причиною разногласія ихъ съ Тарасіемъ? Вѣра-ли? Но, какъ извѣстно, онъ былъ православный, слѣдовалъ святымъ соборамъ, въ образѣ мыслей былъ согласенъ съ прочими патрі-

νοδικαῖς καὶ πατρικαῖς οἰκονομίαις ἐπόμενοι τοὺς μὲν πρὸς τὸ τῆς εἰσεβείας ἀποτομολογήσατες φρόνημα χειρῶν ὑπείαις ὡς ἀδελφοὺς καὶ συνιεράρχας περιεπλάγησαν καὶ τῆς οἰκειᾶς ἕκαστον καθέδρας καὶ ἀξίας ἤξισαν, τοὺς δὲ περὶ τὴν χωλιανῆς καὶ κατὰ τῆς πίστεως διάστροφον βλέψαντες εἶτα τοῦ πτόματος ἀνανεῖσαντες καὶ λιβέλλοις καὶ ἀναθέμασι τὴν πρὶν ἀθετήσαντες δόξαν ἐπίμονον τοῖς ἰσοῖς σπλάγχοις ἀγκαλισάμενοι τοῖς ἰδίοις θρόνοις ἐνίδουσαν καὶ ἐν εἰρημῇ

архами и прежде весьма много подвизался за вѣру. Прінятіе-ли возвращавшихся отъ ереси? Но это не его нововведеніе: ибо они принимались святыми отцами тройкимъ способомъ: или черезъ перекрещиваніе, какъ непузины (монтанисты), или чрезъ миропомазаніе, какъ аріане, или чрезъ проклятiе собственнаго ученія, какъ несторіане. Рукоположеніе-ли за деньги, которое необходимо наказывается низложеніемъ? Да! это совершенно справедливо; тогда (во время иконоборческихъ гоненій) пастыри оказались свирѣбыми волками, были разрушаемы жертвенники, подвергаемы безчестію божественныя останки, сожигаемы священныя книги. Что еще? Самая икона Христова вмѣстѣ съ другими была оскорблена и поправа. И кто можетъ кратко исчислить то, что требуетъ продолжительнаго повѣствованія? А не отъ того-ли, что тогдашній предстоятель (письмо писано въ 809 г.), вдругъ возведенный изъ мірскаго вещества въ епископское достоинство, былъ не въ состояніи достаточно бороться за духъ? *Отсюда соблазны; отсюда получили начало и нынѣшнія смятенія* (при патр. Никифорѣ)¹⁾. Текстъ этого сообщенія, взятый отдѣльно, можетъ подать поводъ думать, что монахи самого Тарасія обвиняли въ симоніи²⁾. Правильному пониманію его помогаютъ другія сообщенія тогоже Θεодора. Рассказывая объ отношеніи игуменовъ Саввы и Θεоктиста къ покаявшимся иконоборческимъ епископамъ, онъ замѣчаетъ: „они наставляли, чтобы обращающіеся изъ иконоборческой ереси епископы не были принимаемы въ прежнихъ своихъ степеняхъ, притомъ не всѣ, но главные и высшіе начальники ереси, по словамъ святаго Аѳанасія, *что несправедливо*, (разумѣется, вѣроятно, посланіе Аѳанасія къ Руфиніану, на которое опирались по преимуществу монахи на соборѣ). Но когда собравшійся тогда соборъ разсудилъ принять всѣхъ, слѣдуя примѣру 4-го святаго собора, то и они согласились, потому что не было нарушено что-либо важное. *Кисательно же симоніанъ* тогда не было опредѣлено, такъ какъ дѣло объ нихъ имѣло разсматриваться послѣ собора..... При по-

1) Opera S. Theodori Studiti Migne, ser. gr. t. 100, epistolarum lib. 1, ep. 53 ad Stephanum lectorem col. 1101—D—1104 A—B Рус. пер. Спб. 1867 г., т. I, стр. 311.

2) Baronii Annales ad an. 787, n. 58

мощи нѣкоторыхъ монаховъ, которыхъ имена прохожу молчаніемъ, издано было патріархомъ (Тарасіемъ) опредѣленіе— не подвергать низложенію навсегда, такъ что тѣ, которые низложены Богомъ чрезъ верховнаго апостола Петра, стали бы опять священнослужителями Христовыми. На это не только не согласилась единомысленная съ Саввою, но и возстали противъ него“¹⁾. Такъ обр. вина Тарасія въ глазахъ монаховъ состояла въ его снисходительномъ отношеніи къ бывшимъ иконоборцамъ — симоніанамъ. То обстоятельство, что соборъ обошелъ обсужденіе этого отношенія, и давало монашеству твердую точку опоры для борьбы съ патріархомъ. Тарасіи на этотъ разъ не могъ уже санкціонировать своего образа дѣйствій авторитетомъ собора.

Если принимать приведенныя свидѣтельства Θεодора Студита безъ всякихъ ограниченій и поясненій, то почти необходимо будетъ допустить, что причина борьбы монашества съ Тарасіемъ послѣ собора лежитъ не тамъ, гдѣ она нами указана, т. е. не въ общемъ непріязненномъ настроеніи его противъ патріарха, который прощалъ бывшихъ гонителей монашества, а въ справедливомъ негодованіи противъ нарушенія имъ церковныхъ правилъ. На самомъ дѣлѣ однако едва ли было такъ. Хотя Θεодоръ Студитъ и отрицаетъ, чтобы причиною недовольства противъ патріарха была снисходительность его къ покаявшимся иконоборческимъ епископамъ, однако присматриваясь къ дѣлу легко замѣтить, что въ этой-то снисходительности и было все дѣло. Лично Θεодоръ Студитъ могъ не имѣть ничего противъ снисходительнаго отношенія Тарасія къ бывшему иконоборческому духовенству, потому что видѣлъ въ этомъ отношеніи осуществленіе взглядовъ отцовъ собора. Но большинство монашества въ данномъ случаѣ не слѣдовало за Θεодоромъ и даже не раздѣляло взглядовъ отцовъ собора. Очень наглядное подтвержденіе того, что опредѣленіе соборомъ отношеній къ покаявшимся иконоборцамъ въ духѣ снисходительности со-всѣмъ не убѣдило монаховъ, — представляетъ слѣдующее обстоятельство. Соборъ на основаніи многихъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ, какъ мы видѣли, безспорно рѣшилъ

¹⁾ Theodori Stud. Epi-st. 38 Arseniæ filio, l. c., col. 1044 A—B. Рус. пер. по гачъ же стр. 246—247

не ставить въ вину полученія рукоположенія отъ еретиковъ. Между тѣмъ монахи, не взирая на это рѣшеніе, постарались объявить чуть не всю іерархію имперіи незаконною на томъ основаніи, что большинство епископовъ въ долгій періодъ господства иконоборчества было посвящено еретиками. Такъ по крайней мѣрѣ представляется естественнымъ понимать слѣдующее увѣщаніе Θεодора Студита къ монахамъ: „для чего обращеніе назадъ, къ Божественному Гермину и требованіе рукоположенія непременно оттуда? Какая пужда до бывшихъ трехъ еретиковъ (патріарховъ—Анастасія, Константина и Никиты)? Развѣ нѣтъ никого, кто бы былъ рукоположенъ ими или рукоположеннымъ отъ нихъ? Сколь многіе отъ востока и запада, отъ сѣвера и моря приходили въ промежутокъ того времени и вступали въ общеніе съ нашею церковью въ священномъ званіи?.... Нужно изслѣдовать и доказать, съ кѣмъ мы должны вступить въ общеніе, исповѣдуетъ-ли онъ правую вѣру и пр.. Если же онъ, хотя получилъ рукоположеніе отъ еретика, но самъ не еретикъ, исповѣдуетъ всю истину, соблюдаетъ вѣру и правила неизмѣнными и уклонившихся отъ того и другаго отвергаетъ, то у насъ нѣтъ никакого основанія удалиться отъ него.. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ общеніе и вѣкъ соотвѣтуетъ дѣлать тоже. Ибо если изслѣдованіе простирать дальше, то отвергаются увѣщанія святыхъ, упраздняется столь великій даръ священства, благодаря которому мы получаемъ имя христіанъ, такъ что мы можемъ впасть въ язычество; а это было бы безразсудно. Дѣлающіе изслѣдованіе, путешествующіе по западу и востоку не нашли бы искомаго, такъ какъ всѣ одинъ отъ другаго сдѣлались бы подлежащими низложенію по причинѣ взаимнаго служенія вмѣстѣ.... Такъ обр. священство уничтожилось бы, что мы совершенно отвергаемъ. Въ церкви случалось и случается много подобныхъ проступковъ, которыхъ никто изъ святыхъ, сколько извѣстно, не изслѣдовали такимъ образомъ, ибо это невозможно.—И не предавать намъ соблюдать тоже“ ¹⁾. Тотъ же Θεодоръ указываетъ и мотивъ, который заставлялъ монаховъ „простигрять свои изслѣдованія далѣе“, чѣмъ слѣдовало: онъ гово-

¹⁾ S. Theodori Stud. Epistol. lib 1, epist. 53. Stephano lectori l. c. col. 1104—C—D—1105 A—D рус. пер. стр 312—314

рять, что „о благи ревновали особенно тѣ, которые много лѣтъ страдали, которые оказались мужественными въ благочестіи“¹⁾ и которые, слѣдовательно, были болѣе обижены и разгорячены при императорахъ иконоборцахъ.

Въ виду сказаннаго можно, кажется, съ достаточнымъ правомъ утверждать, что и обвиненія въ принятіи клириковъ и епископовъ — симоніанъ, взведенныя монахами на Тарасія и послужившія для нихъ предлогомъ къ прекращенію общенія съ нимъ, были не реальною причиною вражды, а только благовиднымъ прикрытіемъ недовольства, исходившаго изъ другого источника. Но если въ спорѣ о принятіи рукоположенныхъ еретиками все шансы для побѣды были въ рукахъ Тарасія, потому что его образъ дѣйствій опирался на авторитетъ собора, то указанныя обвиненія причинили ему не мало беспокойствъ и огорченій. Монахи въ этомъ случаѣ имѣли на своей сторонѣ много данныхъ для успѣха ихъ борьбы съ патріархомъ. Признаки этой борьбы замѣтны уже на соборѣ. Какъ мы видѣли изъ показанія Θεодора Студита, вопросъ о симоніанахъ на соборѣ не подвергался обсужденію, а между тѣмъ ставился на очередь именно монахами, какъ сообщаетъ объ этомъ самъ Тарасій: „большая часть досточтимыхъ монаховъ жаловались собору, — и мы, прибавляемъ патріархъ, предвидѣли эту жалобу, — что большинство епископовъ продавало священство за деньги²⁾“. Легко понять, почему Тарасій отклонилъ обсужденіе этой жалобы на соборѣ: если бы даже она не была доказана, то и въ такомъ случаѣ во время самыхъ доказательствъ пришлось бы поставить многихъ членовъ собора въ крайнее общденное положеніе, способное создать изъ нихъ не друзей, а враговъ того дѣла, для котораго работать Тарасій. Жалоба однако не прошла советомъ безслѣдно: повидимому, въ отвѣтъ именно на нее соборъ составилъ 4 и 5-е правила,

1) *ibid.* col. 1101—D. рус. пер. стр. 310

2) *Tarasii Epistola Ioanni presbytero et hegumeno Mans. t XIII, col 473—474—D—E. ἐνεκάλεσαν τῇ συνόδῳ τὸ πλεον μέρος τῶν ἐβλασίων μοναχῶν — καὶ ἡμεῖς δὲ προσεγνώσκομεν τὴν ἐγγλίαν ταύτην — ὅτι οἱ πλείονες τῶν ἐπισκόπων χρημασεν ἀνίσταντο τὴν ἱεροσύνην* Въ одной редакціи латинскаго перевода: *τὸ πλεον μέρος τῶν μοναχῶν*—*major pars episcoporum* Русскій переводъ (стр 327) слѣдуетъ тому переводу, но неудачно: приходится заключать, что епископы жаловались на самихъ себя

угрожающія низложеніемъ симоніанамъ и корыстолюбцамъ изъ епископовъ. Правила эти для монаховъ были какъ нельзя болѣе кетати. Опираясь на нихъ, они и могли выступить съ требованіемъ отрѣшенія отъ каедръ виновныхъ въ симоніи. Въ виду сказаннаго выше о составѣ клира при иконоборческомъ правительствѣ нельзя отрицать, что монахи имѣли твердую почву для своихъ обвиненій. Злоупотребленія въ этой области стали просто повальной болѣзнію, какъ можно заключать изъ того, что нѣкоторые „изъ клириковъ даже хвалились тѣмъ, что они поставлены въ церковныя должности за золото ¹⁾“. Еслибы не требовалось ничего болѣе, то, можно думать, монахи достигли бы своей цѣли,—наказанія рукополагавшихъ и рукоположенныхъ за деньги,—почти безъ борьбы. Церковныя правила всѣхъ вѣковъ христіанства карали симонію беспощадно, потому что, какъ справедливо поясняетъ Тарасій, „этому пороку сопутствуютъ всѣ скверны ²⁾“, какія только возможны среди паствы церкви. Тарасій былъ бы вынужденъ удовлетворить безотлагательно требованіямъ монаховъ во избѣжаніе смуты. Но нельзя не замѣтить, что обвиненія монаховъ имѣли одну слабую сторону, которая должна была сдѣлать тщетными всѣхъ ихъ усилія и которая дала возможность Тарасію и въ отношеніи къ симоніанамъ практиковать ту же снисходительность, которой отличались и всѣ его дѣйствія. Что симоніане существовали, было несомнѣнно; несомнѣнно было и то, что они подлежали низложенію; недоставало только одного: твердаго и яснаго удостовѣренія относительно каждаго отдѣльнаго случая преступленія. Низложенію подлежали и рукоположившій и рукополагаемый за деньги; слѣдовательно, въ интересахъ того и другого было скрыть проступокъ. По самому существу своему онъ былъ такого рода, что допускалъ только двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, которые при этомъ оба молчали. Объ это затрудненіе и должны были разбиваться всѣ усилія монаховъ. Они были въ высшей степени правы въ своихъ обвиненіяхъ, но они были вмѣстѣ съ тѣмъ и безсильны доказать эти обвиненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Только при свѣтѣ высказаннаго предпо-

¹⁾ 7 соб. пр. 5

²⁾ Mansi t. XIII, col. 471—472—D. Дьян стр. 326

ложения становится возможнымъ понять все моменты борьбы между монахами и патриархомъ изъ за виновныхъ въ симоніи

Борьба началась „вскорѣ послѣ собора ¹⁾“, благодаря тому, что Тарасій „издалъ опредѣленіе не подвергать навсегда низложению“ симоніанъ, какъ показано выше ²⁾. Протестъ монаховъ заставилъ патриарха „исправить зло добромъ: онъ увѣрялъ, что не назначать епитиміи (одногодичной для симоніанъ) и не принималъ рукоположенныхъ и рукоположившихъ за деньги. Но слова его были обличены императрицей, которою онъ и былъ увлеченъ назначить незаконную епитимію. Наступилъ день Богоявленія Христа: подвергнутые епитиміи пришли и требовали разрѣшенія, какъ исповнившіе ее; патриархъ отказался, но императрица настаивала на ихъ принятіи ³⁾. Тогда патриархъ снова смѣняетъ добро зломъ; открыто служить вмѣстѣ съ ними въ тотъ самый праздникъ, конечно, не невольнo, а добровольно: ибо онъ могъ не служить вмѣстѣ съ низложенными, однако служить, хотя кто-либо и скажетъ, что онъ не могъ поступить иначе. Отъ этого и произошло раздѣленіе между нимъ и Саввою и единомысленниками его ⁴⁾“ — Къ сожалѣнію мы не имѣемъ другихъ свидѣтельствъ, которыми можно было бы провѣрить приведенный рассказъ Θεодора. Игнатій совершенно молчитъ объ этомъ по очень понятной причинѣ: онъ давалъ обѣщаніе „плавать по морю только добродѣтелей“ Тарасія. Остовъ разсказа можно считать правильнымъ, но нѣкоторыя детали его нуждаются въ поясненіяхъ и ограниченіяхъ. Самъ Тарасій увѣрялъ, что онъ „не назначалъ епитиміи и, еслибы зналъ, ни съ кѣмъ изъ виновныхъ лицъ не только не сталъ бы служить, но и низложилъ бы ихъ“. И такое

¹⁾ Theodori Stud lib. 1, epist 53 Stephano Lectori, l c, col 1104—5 рус пер стр. 313

²⁾ См примѣч. на 482 стр.

³⁾ Это мѣсто сообщенія Θεодора чрезвычайно важно: многіе изъ историковъ представляютъ дѣло такъ, что Ирина по своимъ стремленіямъ ближе сходилась съ монахами, чѣмъ съ умѣреннымъ Тарасіемъ и сочувствовавшими ему епископами (см *Πατριολογίου. σελ. 543—545* и др.). Что этого даже не могло быть, объ этомъ рѣчь будетъ ниже

⁴⁾ Theodori Stud lib 1, epist 38 Arsenio filio, l c col 1044 — рус пер стр 247

увѣреніе многимъ сначала казалось истиннымъ ¹⁾. Последнее обстоятельство наводитъ на мысль, что упомянутое опредѣленіе патріарха не подвергать изложенію навсегда виновныхъ въ симоніи не было всѣмъ извѣстнымъ актомъ: иначе Тарасій не осмѣлился бы утверждать, что онъ не назначалъ епитиміи, а еслибы осмѣлился, то не нашеть бы вѣры. А если объ указанномъ опредѣленіи противника судили не на основаніи обнародованнаго текста его, то можно думать, что они допускали преувеличенія ²⁾. Трудно сказать, сколь велики были эти преувеличенія, но они заставили Тарасія выступить съ ихъ опроверженіемъ. Опроверженіе это находится въ двухъ посланіяхъ Тарасія: къ папѣ Адріану и къ игумену неизвѣстнаго монастыря Іоанну ³⁾.

Что Тарасію считалъ необходимымъ писать папѣ, это объясняется тѣмъ, что монахи не ограничились заявленіемъ своего недовольства предъ патріархомъ, но и жаловались на его образъ дѣйствій Адріану. Адріанъ съ готовностію принялъ ихъ сторону и выразилъ неодобреніе Тарасію ⁴⁾.

Здѣсь мы сдѣлаемъ нѣсколько вводныхъ замѣчаній для поясненія поведенія Адріана. Какъ говорено выше, на соборѣ было читано его посланіе къ императрицѣ съ большими пропусками именно тѣхъ мѣстъ, гдѣ папа высказался противъ наименованія Тарасія вселенскимъ патріархомъ и требовалъ возвращенія своей кathedrѣ того, что у нея было отнято Львомъ Исавромъ и отдано Константинопольскому патріарху. Папа, разумѣется, узналъ объ этомъ и, конечно, сильно огорчился. Еще больше основаній для раздраженія у него имѣлось послѣ того, какъ ни Ирина, ни Тарасій не сочли нужнымъ даже дать объясненій по поводу его двухъ указанныхъ требованій. Тарасій въ своемъ посланіи къ нему послѣ собора увѣдомлялъ о ходѣ дѣла на соборѣ, о томъ, что посланіе папы много содѣйствовало торжеству истины, сообщалъ, что

¹⁾ Ibid.

²⁾ Что подобныя преувеличенія могли имѣть мѣсто, объ этомъ можно судить по аналогіи: впоследствии противники патріарха Никифора такъ изобразили соборъ, бывшій при немъ и рѣшившій принять въ общеніе эконома Іосифа, что по ихъ сообщеніямъ почти невозможно составить правильнаго представленія о ходѣ дѣла

³⁾ Mansi t. XIII, col. 547 sqq. Дѣян. стр. 322 и сл.

⁴⁾ Theodori Stud. lib. 1. epist. 38. Arsenio col. 1044 A. рус. пер. стр. 248

ересь ниспровергнута—и только ¹⁾. Папа долженъ былъ въ отвѣтъ на это посланіе по обычаю, практиковавшемуся во время другихъ вселенскихъ соборовъ, прислать въ Константинополь свой отзывъ о соборѣ, но онъ этого не сдѣлалъ и не сдѣлалъ именно потому, что упомянутыя его притязанія въ Константинополь были оставлены безъ вниманія. Въ 794-мъ году онъ писалъ Карлу Великому слѣдующее: „мы еще до сихъ поръ не отвѣчали императору (Константину и Принцѣ) по поводу собора, опасаясь, какъ бы они не возвратились къ своему заблужденію (иконоборчеству). Недавно, увѣщевая ихъ къ возстановленію святыхъ иконъ, мы въ тоже время просили ихъ о возвращеніи святой, католической и апостольской церкви области архіепископій и епископій, которая была отнята у нея вмѣстѣ съ патримоніями во время низверженія иконъ (при Львѣ Исаврѣ). На это они намъ не дали никакого отвѣта и тѣмъ показали, что, освободившись отъ заблужденія въ одномъ случаѣ, въ двухъ другихъ они удержали его. Если и вездѣ христіанскія церкви владѣютъ канонически опредѣленными округами, то не тѣмъ-ли болѣе должна сохранять и всячески отстаивать свои округъ архіепископій и епископій, а также и патримоніи святая католическая и апостольская церковь Римская, которая есть глава всѣхъ церквей?... Объ области архіепископій и епископій и о патримоніяхъ, принадлежащихъ святой нашей римской церкви, мы еще во всеуслышаніе повторяемъ, что если не возвратятъ ихъ святой нашей римской церкви, то такихъ мы объявляемъ еретиками за упорство въ заблужденіи ²⁾“. Папѣ, конечно, не трудно догадаться, что вл-

¹⁾ Mansi t. XIII, col. 457—462 Дьяк. стр. 320—321

²⁾ Hadriani Epistola ad Carolum Magnum, Mansi, t. XIII, col. 808—D—E—809—A (cfr. Iaffé Regesta Pontificum Romanorum, p. 214, n. 1902): *Novo vero adhuc pro eadem synodo (787 г.) nullum responsum hactenus imperatori reddimus, metuentes ne ad eorum reverterentur errorem. Dudum quippe quando eos pro sacris imaginibus erectione adhortati sumus, simili modo et dioecesi tam archiepiscoporum, quam et episcoporum sanctae catholicae et apostolicae Romanae ecclesiae componentes quaesimus restituere eidem sanctae catholicae et apostolicae Romanae ecclesiae, quae tunc cum patrimonii nostris abstulerunt, quando sanctas imagines deposuerunt, et nec responsum quodlibet exinde dederunt: et in hoc ostenditur, quia ex uno capitulo ab errore reversis, ex aliis duobus in eodem permanent errore. Si enim ubique christianorum ecclesiae canonicae intactas suas possident dioeceses, quant*

новинкомъ оставленія безъ послѣдствій его просьбъ въ епископѣ былъ главнымъ образомъ патріархъ, права котораго затрогивались этими просьбами. Отсюда Адрианъ естественно былъ расположенъ отозваться сочувственно на всякій протестъ противъ дѣйствій Тарасія и, какъ мы видѣли, дѣйствительно оговаривался на жалобы монаховъ.

Этотъ отзывъ и заставилъ высказаться Тарасія. Для него не столько важно было разубѣдить въ своей виновности Адриана, сколько разсѣять дурные толки о себѣ среди византійскаго духовенства. Отсюда посланіе Тарасія было только адресовано Адриану, а разослано было всюду ¹⁾. Содержание посланія въ историческомъ отношеніи не богато: авторъ говоритъ, что рукополагающіе и рукополагаемые за деньги подлежатъ низложенію, и основываетъ это положеніе на множествѣ свидѣтельствъ изъ св. Писанія, правилъ соборныхъ и церковной практики. Въ посланіи къ игумену Юанну свидѣтельство приведено менѣе, но зато патріархъ живѣе выражаетъ свое негодованіе противъ симоніанъ. Любопытно при этомъ, что ни въ томъ, ни въ другомъ посланіи Тарасій не говоритъ отъ своего лица о широкомъ распространеніи симоніи, которое онъ естественно долженъ былъ бы выставить поводомъ къ написанію своихъ посланій. Легко замѣтить, что писать заставило его главнымъ образомъ „опасеніе обвиненій за молчаніе“ ²⁾, „стремленіе нѣкоторыхъ злословить его“ ³⁾. Эту жалобу на злословіе естественно же всего относить къ тѣмъ слухамъ, которые распускали монахи и которые нашли свое выраженіе въ приведенномъ отрывкѣ изъ письма Θεодора Студита — Принимая во вниманіе живой, искренній тонъ посланія Тарасія противъ симоніанъ, — посланія, которыя писались съ нарочитою цѣлью обнародова-

amplius sancta catholica et apostolica romana ecclesia, quae est caput omnium Dei ecclesiarum, sua dioecesi, videlicet archiepiscoporum et episcoporum, uno et patrimonio tenere et possidere modis omnibus debet? De dioecesi sanctaen nostrae Romanae ecclesiae tam archiepiscoporum, quam episcoporum seu de patrimoniis iterum increpantes commonemus, ut si noluerint ea sanctae... ecclesiae restituere, haereticum eum pro huius modi eius perseverantia esse decernemus

¹⁾ Mansi t. XII, col. 471—472—B

²⁾ ibid col. 463—464—B: φάσις τοῦ τῆς σιωπῆς κατὰ γένεσιν

³⁾ Mansi t. XIII, col. 477—478—E: τινές θελοῦσι λοιδορεῖν ἐμῶν

нія взглядовъ патріарха и которыя бы тѣмъ самымъ ставили его въ безвыходное положеніе, если бы онъ дѣйствительно былъ виноватъ въ томъ, что приписывали ему монахи, необходимо признать, что указанный случай принятія Тарасіемъ въ общеніе виновныхъ въ симоніи сообщенъ Θεодоромъ Студитомъ такъ, какъ онъ не имѣлъ мѣста въ дѣйствительности. Характерно уже то, что самъ Θεодоръ Студитъ сталъ вѣрить указаннымъ слухамъ только тогда, когда пришелъ въ личное столкновеніе съ Тарасіемъ. Притомъ обращаетъ на себя вниманіе, что упомянутый рассказъ сообщается Θεодоромъ въ оправданіе Саввы и его сторонниковъ, о которыхъ даже среди умѣренныхъ монаховъ стали ходить слухи, что они протестовали противъ Тарасія только „по неблаго-разумнымъ поводамъ“ ¹⁾. Имѣя достаточныя основанія не довѣрять всему въ сообщеніи Θεодора, мы къ сожалѣнію лишены возможности болѣе или менѣе твердо рѣшить, какое дѣйствительное обстоятельство дало поводъ для протеста со стороны монаховъ и легло въ основу сообщенія Θεодора. Осмѣливаемся однако на слѣдующее предположеніе: нѣкоторые лица изъ клира были сильно подозрѣваемы въ симоніи, но только подозрѣваемы: доказать подозрѣній было не возможно по самому существу дѣла. Чтобы сколько нибудь успокоить партію строгихъ, патріархъ предложилъ имъ взять на себя епитимію, но сдѣлалъ предложеніе это частнымъ образомъ. Когда кончился срокъ епитиміи, онъ послѣ нѣкотораго колебанія, въ виду протеста монаховъ, понуждаемый императрицей, принялъ ихъ въ общеніе и служилъ съ ними, сохранивъ за собою такимъ образомъ полное право говорить послѣ совершенно искренно: „*чистъ есмь отъ крове*“ (Дѣян. 20, 20)“ преступающихъ каноническія постановленія, тѣмъ болѣе рукополагающихъ и рукополагаемыхъ за дѣсныи“ ²⁾.

Протестъ монаховъ противъ дѣйствій Тарасія въ разсказанномъ случаѣ, какъ имѣвшій одну очень слабую сторону не могъ выразиться въ энергическихъ мѣрахъ съ ихъ стороны и ограничился почти только распространеніемъ

¹⁾ Theodori Stud. lib 1, epist 38 Arsenio. l c col. 1045—A—B, руск пер стр 248—249

²⁾ Mansi t. XIII. col. 463—464—B. Дѣян. стр. 322

непріятныхъ для патріарха слуховъ. На этотъ разъ послѣдній могъ сказать, что онъ успѣлъ „избавиться отъ пападеній“ ¹⁾, и избавился, но не надолго. Вскорѣ совершилось событіе, отношеніе къ которому Тарасія дало монахамъ въ руки сильное оружіе противъ него. Событіе это—второй бракъ императора Константина.

Лѣтописецъ Теофанъ, не смотря на свое благоговѣніе къ Иринѣ, какъ виновницѣ возстановленія иконъ, темными красками рисуетъ ея отношеніе къ своему сыну, въ которомъ она видѣла только помѣху для своихъ стремленій къ единовластію ²⁾. Имѣя нужду въ помощи Адріана для составленія собора, она вмѣстѣ съ тѣмъ завязала сношенія и съ Карломъ Великимъ, который находился въ очень дружественныхъ отношеніяхъ съ папою, какъ защитникъ свѣтскихъ интересовъ и какъ человѣкъ, искавшій въ Римѣ императорской короны, которую и получилъ изъ рукъ Льва, преемника Адріана, въ 800 г. Средствомъ укрѣпить сношенія съ Карломъ Ирина выбрала обрученіе дочери его Ротруды съ своимъ сыномъ ³⁾. Въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ обрученія Константинъ сильно успѣлъ привязаться къ своей невѣстѣ ⁴⁾. По окончаніи собора пужда въ папѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Карлѣ для Ирины миновала. Даже болѣе: сохранить слишкомъ близкія отношенія съ Римомъ можно было только путемъ упомянутыхъ его требованій; а это значило ради папы пожертвовать интересами ближайшаго и естественнаго своего союзника Тарасія ⁵⁾. А породниться съ Карломъ для Ирины значило пріобрѣсть опаснаго покровителя и защитника въ послѣднемъ для своего сына, котораго она всячески старалась отстранить отъ власти. По этимъ соображеніямъ Ирина прервала сношенія съ Карломъ и женила Константина въ 788 г. на армянкѣ Маріѣ, къ которой онъ былъ совершенно равнодушенъ ⁶⁾. Результаты этого шага

1) *ibid.* col. 479—480—A: *εἰσὶ ἔσωθεν καὶ ἔξωθεν* (думается, вѣроятно, пошелъ на отзывъ папы по жалобамъ монаховъ) *ἐπιρροστίσεις, ἔξ ὧν διὰ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν ἐρρήσθημεν*

²⁾ Theophanis Chron. p. 464 и др

³⁾ *ibid.* p. 455: *ἐρωθρῶ*—называетъ ее по своему Теофанъ.

⁴⁾ съ 781 г. по 788. Theophanis Chron. p. 455 *conf.* p. 463.

⁵⁾ *Παλαρριολογίον αὐτ.* σελ. 518—519.

⁶⁾ Theophanis Chron. p. 463.

Ирины не замедлили сказаться: молодой царь сталъ искать привязанности на сторонѣ. Вѣроятно, еще задолго до осени 795 г., когда уже совершился второй бракъ его¹⁾, онъ сблизился съ фрейлиной Ирины Θεодотой. Ирина, какъ даетъ понять лѣтописецъ, сама толкала сына на преступленіе, которымъ хотѣла очернить его въ глазахъ общества и тѣмъ очистить себѣ дорогу къ единовластію²⁾. Задумавъ удалить Марію, Константинъ долженъ былъ оправдать предъ обществомъ свое поведеніе; съ этою цѣлью былъ пущенъ слухъ, что Марія покушалась отравить царя какимъ-то смертоноснымъ питьемъ. Слухъ впрочемъ былъ такъ нелѣпъ, что ему никто не вѣрилъ³⁾. Эти вѣсти встревожили патріарха и заставили его сильно задуматься по очень понятной причинѣ: по самому своему положенію онъ необходимо долженъ былъ такъ или иначе высказаться по поводу возникшей драмы. Снисходя слабости императора, онъ давалъ оружіе противъ себя монахамъ, которые слѣдили за каждымъ его шагомъ: а возставая противъ нея, онъ рисковалъ въ капризномъ юношѣ приготовить врага всѣхъ плавовъ, надъ осуществленіемъ которыхъ работалъ до сихъ поръ⁴⁾.

Въ драму вовлеченъ былъ Тарасій очень скоро: заручиться его одобреніемъ для царя было дѣломъ первой важности. Присланный Константиномъ чиновникъ объявилъ патріарху о выдуманныхъ причинахъ удаленія Маріи и просилъ благословенія на новый бракъ царя. Тарасій отвѣчалъ на это слѣдующей рѣчью, за точность которой ручаться трудно, но смыслъ которой едва-ли искаженъ Игнатіемъ: „если царь, какъ ты говоришь, задумалъ это и хочетъ отсѣчь отъ себя плоть, соединенную закономъ Божиимъ, то я недоумѣваю, какъ онъ перенесетъ поношеніе со стороны народа и какъ онъ будетъ требовать отъ своихъ подданныхъ воздержанія (*τὸ σωφρονεῖν*) и наказывать ихъ за прелюбодѣяніе, когда самъ плѣненъ постыдною скверною? Если бы мы даже и повѣрили сказанному тобою, еслибы преступленіе царицы было

1) *ibid.* p. 470

2) *ibid.* p. 470: *μισῆσας ὁ βασιλεὺς τὴν ἐκείνου γυναῖκα Μαρίαν ἐποβολῆ ἑῷ, ἐαυτοῦ μισθὸς ἐφειμένης τῆς ἀρχῆς πρὸς τὸ καταγνωσθῆναι αὐτὸν ἐπὶ πάντων ἕξειάσαστο αὐτὴν τοῦ γενέσθαι μονάστριαν.*

3) *Vita Tarasii* p 15, 5—9

4) *ibid.* p 15, 11—15

доказано, то и тогда нужно болѣе внимать гласу Господа, говорящаго: *отпущай жену свою развѣ словесе прелюбодѣйнаго творить ю прелюбодѣйствовати* (Мѣ. 6, 32). Но кого бы царственнѣе его предпочла избрать въ брачное общеніе дошедшая (по твоимъ словамъ) до такого злодѣянія? Все это полно лжи и желанія обезчестить честной бракъ, осквернить нескверное ложе, подвергнуться позору прелюбодѣянія, сдѣлать незаконное законнымъ и отдалить свое родное введеніемъ безчестнаго сожительства. Итакъ вотъ какой отвѣтъ прими отъ насъ и отъ подобныхъ намъ и передай посланнымъ тебя: не вѣримъ сказанному тобою и скорѣе согласимся претерпѣть смерть и тяжкія мученія, чѣмъ рѣшимся служить этому (дѣлу). Пусть знаетъ царь, что мы никогда не повѣримъ этому невѣроятному замыслу“ ¹⁾. Царь взволновался и пригласилъ Тарасія во дворецъ. Патріархъ отправился вмѣстѣ съ Іоанномъ, который на соборѣ былъ мѣстоблюстителемъ антиохійскаго патріарха. Царь повторилъ жалобу на жену и высказалъ, что она собственной смертію должна заплатить за свое покушеніе, но что онъ согласенъ простить ее, и требовалъ только ея постриженія въ монастырѣ. Въ подтвержденіе своего обвиненія Константинъ приказалъ показать сосудъ, наполненный какою-то мутною жидкостью, которая будто бы была приготовлена Маріей для мужа ²⁾. Патріархъ отвѣчалъ царю почти тоже, что сказалъ и посланному: онъ замѣтилъ, что слухъ о покушеніи царицы совершенно невѣроятенъ, что, напротивъ, весьма вѣроятно злоумышленіе царя, который не скрывалъ своей страсти къ Θεодотѣ; въ заключеніе онъ прибавилъ, что если императоръ настоитъ на своемъ, то онъ не допуститъ его ко святому причащенію. Тарасія настойчиво поддерживалъ Іоаннъ. Но само собою разумѣется, доводы ихъ не убѣдили а только привели въ ярость Константина и его приближенныхъ. Послѣдніе оскорбили Іоанна и даже грозили ему мечемъ. Патріархъ и его слутникъ были выгнаны изъ дворца ³⁾.

Въ январѣ 795-го года Марія была пострижена, а во ав-

¹⁾ Vita Tarasii, p. 15, 17—36—16, 1—3

²⁾ ibid p. 16, 4 sqq.

³⁾ Vita Tarasii, p. 17, 5—38—18, 1—14

густѣ обручена Θεодота; бракъ совершился въ сентябрѣ 1). Обыкновенно царей вѣнчали патріархи 2); Константинъ настаивалъ на томъ же предѣ Тарасіемъ, но послѣдній рѣшительно отказался исполнить его волю 3). Убѣдившись въ невозможности склонить патріарха, императоръ приказалъ совершить вѣнчаніе Іосифу, пресвитеру и эконому Софійской церкви, близкому ко двору 4). Опасаясь открытаго протеста со стороны Тарасія, Константинъ держалъ его нѣкоторое время подѣ домашнимъ арестомъ: патріархъ былъ отданъ подѣ надзоръ своихъ же синкеловъ, которые слѣдили за всѣми приходящими къ нему и присутствовали при его бесѣдахъ. Люди, особенно близкіе и преданные Тарасію, подвергались всякимъ стѣсненіямъ 5).

Поступая послѣдовательно, Тарасію при такихъ обстоятельствахъ необходимо было выполнить свою угрозу по отношенію къ царю—не допускать его до причастія и вмѣстѣ съ тѣмъ отлучить отъ церкви Іосифа. Но для этого явилось важное затрудненіе. Раздраженный царь, вѣроятно, для предотвращенія выполненія именно этихъ намѣреній патріарха въ свою очередь прибѣгъ къ угрозѣ, что онъ перейдетъ на сторону враговъ православія и возобновитъ гоненіе на иконы 6). Угроза эта не имѣла въ себѣ ничего невѣроятнаго: молодой „легкомысленный и непостоянный“ царь, конечно, хорошо знавшій политику своего прадѣда, дѣда и отца, легко ради страсти, имъ овладѣвшей, могъ отрѣшиться отъ своихъ симпатій къ православію, которыя при этомъ едва-ли были сильны. Съ другой стороны нанесенныя иконо-

1) Theophanis Chron p. 469—470.

2) Theodori Stud. lib I, epist 22 Simeono monacho, l. c., col. 977—В. рус. пер. стр. 176.

3) Vita Tarasii, p. 18, 23—24

4) Vita S Theodori Studiti. cap. 14, Migne t 99, col. 252—С рус. пер. стр. 22

5) Vita Tarasii p. 18, 25—32. cnf. Vita S. Platonis. Pagi Critica ad. an. 795, n. 6.

6) Ignatius in narratione de Theodoro Stud: *ἐπειδὴ ἐπέληψε ὁ αὐτὸς Κωνσταντῖνος ὁ βασιλεὺς εἰ μὴ τῷ αὐτοῦ θελήματι ἐποπέψη ὁ πατριάρχης τῶν μὲν ἐναρχῶς βασιλευσάντων ἀνανεώσασθαι τὴν αἴρεσιν καὶ τὰς ἀγίας καὶ σεπτὰς εἰκόνας πάλιν καθαρῶσειν*—приведено изъ Льва Алляція у Schlosserá a a O. S. 311, Anm; cnf. Vita S. Theodori l c, cap 18, col 257—А рус пер стр. 27.

борчествомъ „церкви раны были еще свѣжи и едва стали затягиваться послѣ Никейскаго собора; до сихъ поръ еще были въ силѣ враги церкви“. При такихъ условіяхъ положеніе Тарасія было въ высшей степени тяжело ¹⁾. Принимая во вниманіе все это, патріархъ не счелъ возможнымъ натянуть своихъ отношеній къ императору до той степени, когда они могли окончательно порваться, — и отлучить его отъ церкви вмѣстѣ съ Іосифомъ ²⁾. Такой шагъ Тарасія на первыхъ порахъ не удовлетворилъ вполне никого: императоръ повидимому, до самаго конца своего недолговременнаго правленія не простилъ ему его протеста ³⁾. Съ другой стороны рѣшимость патріарха не прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ вызвала противъ его цѣлую бурю среди монаховъ-зилотовъ. Необходимо замѣтить при этомъ, что въ частности въ отношеніи къ Іосифу патріархъ держался очень осторожно: не отлучая его отъ церкви, онъ однако ни разу не служилъ съ нимъ ⁴⁾.

¹⁾ Vita S. Platonis auctore Theodoro Studito (Pagi Critica ad an 795, n 6 Baronii Annales ad. eundem an., n. 46): Gravis angustia premebat animum patriarchae cum vereretur ne nimis exasperando animum imperatoris et ab ecclesia removendo eum facere fidei catholicae desertorem; adhuc recentia ecclesiae vulnera et vix obducta erant per concilium ejus opera celebratum Niceae adversus iconoclastas: adhuc vigeabant hostes ecclesiae, erat ipse adolescens animo mobilis et instabilis, et haeticorum parentum mala propago perfacilisque ut levi statu in haeresim praeceps impelleretur; *cnf.* Vita S. Theodori. I. c. col. 257 A—B, *cnf.* Cedreni Hist. Comp. ed Bonn. vol. 2, p. 26. τῷ πατριάρχῳ Ταρασίῳ ἀντιλήπτως δηλοῖ ἀπὸ Κωνσταντῖνος „εἰ μὴ τοῦτο γένηται, τοὺς καοὺς εἰδῶλον ἀνοίγω“. Это показаніе Кедрина для однихъ представляется безсмысленнымъ (Schlosser a. a. O. S. 311 Anm.) для другихъ (C. Thomas. Theodor von Studion und seine Zeitalter Osnabruck 1882, S. 49, Anm. 8) не понятнымъ. Намъ кажется, какъ угроза, гдѣ гиперболы вещь обычная, выраженіе это просто указываетъ на уничтоженіе иконъ

²⁾ Vita S. Platonis I. c. haec (что перечислено въ предъидущемъ примѣчаніи) et alia hujusmodi alto mentis consilio versans Tarasius, sic erroris redarguerе voluit imperatorem, ut tamen eum licet poena illa dignum, noluerit ad ecclesia separare.—Игнатій, сказавъ о борьбѣ Тарасія съ императоромъ, дальше ничего не говорить. Но не сообщая фактовъ, онъ подразумеваетъ ихъ и пишетъ въ защиту Тарасія цѣлое разсужденіе (Vita Tarasii p. 14, 19—31).

³⁾ Vita Tarasii p. 18, 33—38—19, 1—3

⁴⁾ Theodori Stud; lib. I, epist. 22 Simeono monacho, Migne, I. c. col. 980—A. Рус. пер. стр. 177

Во главѣ движенія противъ патріарха стали Платонъ, игумень монастыря Сакудеонскаго, находившагося на горѣ Олимпѣ недалеко отъ столицы по ту сторону Босфора ¹⁾, съ своимъ племянникомъ Теодоромъ Студитомъ. За ними послѣдовало множество монаховъ. Всѣ они прервали общеніе съ патріархомъ ²⁾. Не вдаваясь въ оцѣнку поведенія враждовавшихъ сторонъ, мы однако не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что дѣйствительная основа протеста Платона и Теодора была нѣсколько отлична отъ той, которая выставялась ими въ оправданіе своего образа дѣйствій. Многіе современники и между ними даже многіе монахи ³⁾ нѣсколько позднѣе при патріархѣ Никифорѣ утверждали, что „еслибъ эконоомъ (Иосифъ) былъ отлученъ, то Теодоръ Студитъ и его приверженцы нашли бы причину къ низложенію архіерея своего (Никифора), какъ уже служившаго съ низложеннымъ, а потомъ и къ осужденію и предшествовавшаго святѣйшаго патріарха“ (Тарасія) ⁴⁾. Хотя Теодоръ и называетъ эти догадки клеветою, но клеветою онѣ были только по отношенію къ нему; по отношенію же къ большинству монаховъ онѣ, кажется, не лишены извѣстной доли истины. Весьма характерно, что въ данномъ случаѣ во главѣ движенія противъ царя и патріарха стали именно Платонъ и Теодоръ. Извѣстно, что Теодота была двоюродною сестрою послѣдняго и родною племянницею перваго ⁵⁾. Такъ обр. связь Теодоты съ Константиномъ въ нѣкоторомъ родѣ клала пятно на фамилію и которая вся отличалась строгимъ благочестіемъ и выдѣлила изъ себя многихъ лицъ съ аскетическими задатками ⁶⁾.

¹⁾ Theophanis Chron. p. 470, enſ Vita S Theodori cap. 5, Migne I. c. col. 241, enſ Thomas a. a. O. s 44—45.

²⁾ Ignatius in narratione de Theodoro Studito ab Allatio (Pagi Critica ad. an 808. n. 2): plures alii ejus (Theodora) consilio zeloque ducti secuti sunt Theodorus ipse ecclesiae ingressu et patriarchae congressu semet continuit: quod quamvis nefandum conjugium haud verbis probasset patriarcha, severiore tamen poena non perstrinxerat, nec in eum, qui tam exoso sceleris praestiterat opem, laesae majestatis divinae poenas exercuerat.

³⁾ См причѣч 315

⁴⁾ Theodori Stud, lib. 1, epist 32, Nicolao Chartulario Migne I. c. col 1016—B.

⁵⁾ Vita S. Theodori Migne. I. c cap. 15, col 253—B.

⁶⁾ Thomas a. a. O. s. 39—41

Феодоръ Студитъ въ своихъ многочисленныхъ письмахъ, правда, ни разу не намекаетъ даже на подобный мотивъ его борьбы съ Тарасіемъ, но трудно было бы и ожидать противнаго: такое указаніе не только ни для кого не было бы убедительно, а, напротивъ, только уменьшало бы цѣну ревности его, какъ охранителя канонѡвъ. „Многіе другіе монахи“ поддержали Феодора ¹⁾ по причинамъ, уже указаннымъ: недовольство ихъ накопилось, благодаря изложенной церковной политикѣ Тарасія, и только ждало повода для своего обнаруженія.

Своимъ энергичнымъ противоудѣйствіемъ Феодоръ и Платонъ раздражили императора и вызвали его на крутыя мѣры: первый съ десятью наиболѣе ревностными монахами, послѣ наказанія плетью, былъ сосланъ въ Фессалонику, а Платонъ заключенъ въ столичномъ монастырѣ Сергія ²⁾. Заключение ихъ было впрочемъ не продолжительно: 15-го августа 797-го года Константинъ былъ свергнутъ съ престола и ослѣпленъ ³⁾. Ирина освободила наказанныхъ и постаралась помирить ихъ съ Тарасіемъ ⁴⁾. Отлученіе Юсифа было, конечно, необходимымъ условіемъ примиренія со стороны первыхъ ⁵⁾. Не довольствуясь этимъ, Платонъ и Феодоръ требовали отъ патріарха признанія, что они поступали въ данномъ случаѣ вполнѣ правильно ⁶⁾. Едва-ли у Тарасія могли быть какія-либо причины не выполнить этого требованія: оно вполнѣ совпадало съ его желаніями и взглядами.

Съ этого времени правленіе Тарасія до конца его жизни представляется сравнительно покойнымъ. Необыкновенно

¹⁾ Vita S Theodori, cap. 16, Migne I c col. 253—D.

²⁾ Vita s. Theodori, cap. 16, l. c col 253—D; cnf Theophanis Chron. p 471—о Платонѣ *ἐν τῷ καθ' ἀρχιστρατήγου ἐν τῷ παλατίῳ*. cnf. Thomas a a. O. s. 54.

³⁾ Theophanis Chron. p 472 cnf Chron. trip. p, 314 Что царь ослѣпленъ не 15 іюля, какъ думаетъ Thomas a. a. O. s 57, объ этомъ см. Theop Chron. p 468, cnf. Chron trip. p. 311. у *Παπαρρηγοπολιτον αἰτ' σελ* 530—532, cnf. Schlosser. a a. O. S. 326—330 и др

⁴⁾ Vita s. Theodori cap 18, Migne I c col. 256—D

⁵⁾ Авторъ житія Феодора говоритъ, что Юсифъ былъ лишенъ священнаго сана (l. c col. 256—D), оно не точно, vide Theodori lib 1, epist 32 Nicolao Chartulario l. c. col. 1016—C.

⁶⁾ S. Theodori Stud. lib. I, epist 22 Simeono monacho, Migne. I c. col 977—D

уживчивый, онъ сумѣлъ поставить себя въ хорошія отношенія и съ преемникомъ Ирины Никифоромъ, внѣзложившимъ ее 31-го октября 802-го года ¹⁾. Изъ царствованія этого императора лѣтописи отмѣчаютъ только одинъ шагъ Тарасія. Лѣтомъ 803-го года противъ Никифора вспыхнуло возмущеніе, во главѣ котораго сталъ начальникъ оемы Восточной Варданисъ Туркъ. Такъ какъ дѣла Варданиса пошли плохо, то онъ согласился положить оружіе подъ условіемъ сохраненія ему жизни. Никифоръ далъ письменное удостовѣреніе, подъ которыхъ въ числѣ другихъ первое мѣсто занимала подпись патріарха, — фактъ, свидѣтельствующій ясно, какъ въ общемъ высоко стоялъ авторитетъ патріарховъ Византіи, не смотря на случившіяся насилія власти надъ отдѣльными іерархами ²⁾. Теофанъ добавляетъ, что Никифоръ не сохранилъ своего слова, подослалъ потомъ убійцъ къ Варданису и так. обр. не обратилъ вниманія на ручательство патріарха ³⁾, но этотъ рассказъ по всѣмъ признакамъ есть выдумка лѣтописца, весьма неблагоклонно относившагося къ Никифору ⁴⁾.

Мы рассказали по возможности всѣ факты церковно-политической дѣятельности Тарасія. Намъ остается теперь отмѣтить черты его жизни, какъ человѣка и пастыря. Изъ обзора его дѣятельности до — и послѣ собора можно заключать несомнѣнно, что онъ былъ человѣкъ горячо преданный дѣлу православія и глубоко религіозный. Уже одно то, что Ирина выставила его — секретаря кандидатомъ на кафедрѣ, говорить само по себѣ, что религіозность его и тогда уже была извѣстна населенію столицы ⁵⁾. Въ санѣ патріарха она проявлялась у него еще замѣтнѣе: онъ служилъ очень часто; любовь къ богослуженію у него была настолько велика, что ни старость, ни болѣзни не удерживали его отъ участія въ немъ: иногда отъ слабости онъ вынужденъ былъ опираться грудью на аналой (*тетράπους*) предъ

¹⁾ Theophanis Chron p 476, cni Chron trip p. 317

²⁾ Theoph Chron p 479.

³⁾ Theophanis Chron. p. 480

⁴⁾ *Παλαεγγυλοπούλου αντί σελ.* 549—550

⁵⁾ Любопытно, что единственное извѣстіе о жизни Тарасія за время, когда онъ былъ секретаремъ, застаётъ его въ храмѣ при вечернемъ богослуженіи раздающимъ плату пѣвцамъ, т. е. исполняющимъ въ нѣко-

престоломъ ¹⁾. Помимо того дома онъ часто и много молился ²⁾.

Въ своей частной жизни онъ былъ чрезвычайно умѣренъ и воздерженъ. Уже судя по сказанному выше, ему много приходилось работать—тѣмъ болѣе, что образованіе, полученное имъ въ юности, не могло удовлетворить запросовъ, которые предъявлялись къ нему, какъ патріарху, и при томъ въ такое смутное время. За „занятіями божественными словесами“ Тарасій часто забывалъ о снѣ ³⁾. Усиленный умственный трудъ сообщалъ всему образу его жизни характеръ аскетической простоты: бывший богачъ — аристократъ, онъ не ощущалъ нужды въ мягкомъ ложѣ, въ помощи другихъ для ухода за собою и былъ во всемъ слугою для себя. Столъ патріарха былъ до крайности скудный ⁴⁾.— Но отказывая во всемъ себѣ, Тарасій не щадилъ труда и средствъ для оказанія помощи нуждающимся. Память о его любви къ бѣднымъ долго жила среди жителей столицы ⁵⁾. Онъ открылъ многіе пріюты и убѣжища для слѣпыхъ, хромыхъ и разнаго рода несчастныхъ. Кромѣ того и всѣ другіе нуждавшіеся вписывались патріархомъ въ памятную книжку и во время получали помощь изъ его собственныхъ рукъ. Во время великаго поста имъ содержались постоянные столы для нищихъ Константинополя. Въ свѣтлое воскресенье они были первые, кого привѣтствовать патріархъ: непосредственно послѣ службы въ облаченіи онъ шелъ къ приготовленнымъ столамъ, гдѣ собственноручно наливалъ вино и подносилъ участникамъ трапезы. Зимой къ этимъ заботамъ Тарасія присоединялась еще одна: онъ во множествѣ покупалъ одежды для защиты отъ холода немущаго люда столицы ⁶⁾.

второмъ родѣ обязанности теперешняго кнителя Житіе Георгія Амастридскаго гл. 18 въ изданіи В. Васильевскаго: Русско-византійскія изслѣдованія, в. 2-й, 1893, стр. 30—31.

¹⁾ Vita Tarasii p. 25, 17—20.

²⁾ *ibid.* p. 7, 35—37.

³⁾ *ibid.* p. 7, 24—25: *ἀγρυπνίαν πρὸς τὴν μελέτην τῶν θείων λόγων σύνουκον ποιησάμενος, ὡς θυσιαμελὲς τε καὶ ἀχρεῖον τὸν ἕπρον ἀνδράποδον ἀλεπέμελετο.*

⁴⁾ Vita Tarasii p. 9, 5—7.

⁵⁾ *ibid.* p. 8, 18—19.

⁶⁾ *ibid.* p. 8, 8—38—9, 1—13

Самъ проводя простую и скромную жизнь, Тарасій хотѣлъ видѣть такимъ же и свой клиръ. Въ связи съ политической императоровъ иконоборцевъ, какъ мы видѣли, стояло то обстоятельство, что въ рядахъ послѣдняго появилось много лицъ, которыя, за отсутствіемъ другихъ интересовъ, тщательно слѣдили за своимъ костюмомъ, щеголяли „шелковыми разноцвѣтными одеждами, на края которыхъ нашивали украшенія дорогого цвѣта“, и даже насмѣхались надъ одѣвавшимися въ одежду простую и скромную“ ¹⁾. Тарасію настойчиво требовалъ отъ такихъ лицъ оставить свое фривольство и рекомендовалъ имъ „простоту, какъ самое лучшее украшеніе“. У клириковъ, носившихъ золотые пояса, Тарасій отбиралъ ихъ, а взамѣнъ дарилъ имъ пояса изъ козьей шерсти ²⁾. Безъ сомнѣнія онъ же предложилъ установить епитимію для клириковъ, которые „натирались благовонными мастьями“ ³⁾. Въмѣсто того, чтобы тѣшить свое зрѣніе и слухъ на ипподромѣ и въ театрахъ, патріархъ внушалъ нѣкоторымъ изъ своихъ подчиненныхъ сидѣть дома, читать Св. Писанія и распѣвать псалмы ⁴⁾. Всѣ подобныя внушенія должны были быть тѣмъ болѣе дѣйствительны, что они подкрѣплялись живымъ примѣромъ самого патріарха ⁵⁾.

Какъ проповѣдникъ, Тарасій соответственно нуждамъ времени былъ главнымъ образомъ апологетомъ иконопочитаія. Объ усердіи его въ этомъ отношеніи говорено выше. Игнатій сообщаетъ, что онъ записывалъ бесѣды патріарха, отдалъ ихъ потомъ переписать и составилъ цѣлый кодексъ, содержащій „ясное разоблаченіе сонныхъ мечтаній еретиковъ“ ⁶⁾, но отъ этого кодекса не сохранилось и слѣдовъ. Упоминаетъ еще биографъ о бесѣдахъ Тарасія на псалмы ⁷⁾, но о нихъ также ничего не извѣстно. Единственнымъ памятникомъ церковнаго краснорѣчія Тарасія могло бы считаться сохранившееся съ его именемъ слово на Введеніе во

1) 7 соб. пр. 16.

2) Vita Tarasii p. 8, 2—9.

3) 7 соб. пр. 16. *cnf.* Vita Tarasii p. 19, 12—14.

4) Vita Tarasii p. 19, 4—11, *cnf.* 7 соб. пр. 10.

5) *ibid.* p. 19, 25—34

6) *ibid.* 29, 12—13: *στυλίτευμα τῆς τῶν αἰρετικῶντων σαφὲς ὀνειρώξεως.*

7) *ibid.* p. 12, 34—36

храмъ Богородицы, но оно многими заподозривается въ его подлинности ¹⁾. Забвеніе проповѣдническихъ трудовъ Тарасія едва-ли случайно: изъ секретаря прямо сдѣлавшіяся патриархомъ, онъ не имѣлъ времени и возможности выработать изъ себя выдающагося церковнаго оратора, обстоятельства прямо потребовали его на кипучую дѣятельность, которая не могла способствовать приготовленію художнически церковнаго слова. Его поученія имѣли интересъ дня, отвѣчали потребностямъ минуты и достигали, вѣроятно, своей цѣли, такъ какъ Тарасій зналъ и читалъ достаточно творенія св. отцевъ, чтобы полемизировать съ иконоборцами, но они едва-ли были образцами церковнаго краснорѣчія, изъ которыхъ могли-бы поучаться люди послѣдующихъ поколѣній.

Въ дѣлѣ о 2-мъ бракѣ императора Константина, какъ мы видѣли, Тарасій вышелъ изъ своего крайне затруднительнаго положенія очень удачно: онъ не довелъ до озлобленія молодаго царя и въ тоже время сумѣлъ поддержать достоинство церковной власти. Насколько онъ охранялъ постѣднее и насколько онъ вообще не любилъ уступать тамъ, гдѣ не грозило опасности главному дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь, объ этомъ свидѣтельствуется слѣдую-

¹⁾ Migne. ser. gr. t. 98. col. 1481 sqq: *τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ταρασίου ἀρχιεπισκόπου Κωνσταντινουπόλεως λόγος εἰς τὰ εἰσόδια ὑπεραγίας Θεοτόκου* Морцелли отрицаетъ подлинность этого слова на томъ основаніи, что будто бы во времена Тарасія не было еще и праздника Введенія во храмъ Богородицы. (Morcelli *Calendarium ecclesiae* Cpl. t. 2, p. 250, snf. Cas. Oudin *Commentarius de scriptoribus ecclesiasticis* t. 1, p. 1921—1922) Но основанія, на которыхъ опирается мнѣніе Морцелли, не достаточны: отсутствіе праздника въ изданномъ имъ календарѣ 8 в могло быть дѣломъ простаго пропуска, такъ какъ въ мѣсяцесловѣ Синодальной бібліотеки № 42, который по письму Матеи относится къ 8 в и который по другимъ признакамъ принадлежитъ или самому концу этого вѣка или началу слѣдующаго, т. е. къ тому именно времени, когда занимать кафедру Тарасій, праздникъ этотъ указанъ (Сергіи Архим. *Полный мѣсяцесловъ Востока*, т. 1, стр. 72—73, см. приложение стр 4) Указываютъ еще на слово надписанія *ὑπεραγίας*, которое стало будтобы употребляться только съ X-го вѣка. Кромѣ неточности этого указанія, оно не говоритъ ничего противъ подлинности слова и потому, что эпитетъ *ὑπεραγίας* легко могъ быть прибавленъ позднѣйшимъ переписчикомъ (Migne l. c. col. 1479—1480 *Notitium*).—Болѣе твердыхъ данныхъ, помимо надписанія, въ пользу признанія подлинности слова однако не имѣется

щій разсказъ Игнатія. Протоспафаръ Іоаннъ былъ обвиненъ въ расхищеніи казенныхъ денегъ ¹⁾. Судъ не оказалъ ему никакого снисхожденія. По всѣмъ признакамъ невинный, Іоаннъ убѣжалъ изъ подъ ареста и скрылся въ церковь. Стражи, которые естественно боялись отвѣтственности за недостатокъ бдительности, окружили храмъ, никого не допускали къ бѣглецу, надѣясь, что голодъ заставитъ его выйти изъ храма. Слухъ обо всемъ этомъ дошелъ до Тарасія. Возмущенный грубымъ поруганіемъ права убѣжища, патріархъ рѣшилъ дѣйствовать слѣдующимъ образомъ: онъ ходилъ каждый день въ церковь, носилъ укрывшемуся пищу и иногда выводилъ его изъ храма другимъ выходомъ. Стражи не видѣли конца своимъ ожиданіямъ и устроили засаду. Однажды, когда Іоаннъ вышелъ на короткое время изъ храма подъ защитой Тарасія, они внезапно схватили его и повлекли ко дворцу. Патріархъ возмутился (*θυμοῦ καὶ λύπης γενόμενος κατόχος*) и отправился вслѣдъ за ними. Во дворецъ его не пустили. Тарасіи прибѣгъ тогда къ крайней мѣрѣ: онъ объявилъ, что если Іоаннъ будетъ подвергнутъ тяжелому наказанію, то судей его, въ числѣ которыхъ была, какъ сейчасъ увидимъ, и императрица Ирина, онъ не допуститъ до св. причащенія. Требованіе патріарха было удовлетворено ²⁾. Случайъ этотъ нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ. Игнатіи не датируетъ его точно, но даетъ понять, что онъ имѣлъ мѣсто во время единоличнаго правленія Ирины ³⁾. Біографъ не называетъ по имени и протоспафара, но изъ снесенія параллельныхъ показаній Теофана видно, что это былъ именно Іоаннъ. Свѣдѣнія лѣтописца даютъ возможность догадаться и о томъ, за что страдалъ Іоаннъ. Въ февралѣ 790-го года Константинъ при помощи людей, ему преданныхъ, попытался устранить мать отъ власти. Попытка кончилась неудачно. Участники заговора, и въ числѣ ихъ протоспафаръ и казно-хранитель Іоаннъ, были высѣчены, острижены и сосланы въ Сицилію ⁴⁾. Но ссылка Іоанна была не

1) Vita Tarassii p. 13. 7—8: πολλῆς ἐνεκα χορηγῶτων ὀλίγης δίκας ἀποτιννίς

2) Vita Tarassii p. 13 1—37; 14, 1—17

3) ibid. p. 14, 6—7.

4) Theoph. Chron. p. 465. ὁ πρωτοσπαθάριος, Теофана = ὅς τὸ βασίλειον ξίφος, ἐν Ἀσίας τιμῇ περιέμετο Игнатія Vita Tarassii p. 13. 6—7

долгосрочна: въ томъ же году въ октябрѣ Константинъ повторилъ свою попытку и на этотъ разъ успѣшно. Во время переворота мы видимъ около него опять Іоанна въ качествѣ его протоспаѳаря и казнохранителя ¹⁾ 15-го августа 797-го года, какъ сказано, Константинъ былъ свергнутъ съ престола и ослѣпленъ. Легко понять, что Іоаннъ долженъ былъ опять расплачиваться за свою преданность несчастному императору. Понятнымъ становится и то, почему Іоанна обвинили въ расхищеніи денегъ. Вполнѣ естественна и стойкость Тарасія въ данномъ случаѣ: преслѣдованіе Іоанна было, очевидно, дѣломъ политической мести, а не вызывалось дѣйствительною виною бывшего протоспаѳаря и казнохранителя.

21 годъ и два мѣсяца Тарасіи „украшали первосвященническую каеедру ²⁾“. Преклонные годы и непрестанные труды, наконецъ, ослабили его силы и заставили лечь въ постель. Игнатій, присутствовавшій при разставаніи съ жизнью патріарха ³⁾, рассказываетъ, что послѣднія минуты его были очень трудны. Его нервы такъ много работали для дѣла торжества православія, что и предъ смертью, когда онъ былъ уже въ безсознательномъ состояніи, его воображеніе рисовало ему образы, съ которыми онъ состязался и обвиненія которыхъ противъ себя опровергалъ ⁴⁾. Подъ вечеръ 18-го февраля Тарасія не стало ⁵⁾. Вся столица неутѣшно оплакивала смерть своего покровителя и заботника, начиная съ императора и кончая послѣднимъ нищимъ. Императоръ Никифоръ особенно сильно выражалъ свое горе: обнимая трупъ, онъ обливался слезами и жаловался, что потерялъ отца, помощника въ управленіи и руководителя въ общественныхъ дѣлахъ ⁶⁾. Ощущала потерю и вся знать ⁷⁾. Тяжела была смерть патріарха и для лучшихъ членовъ клира и монашества, но главнымъ образомъ она

¹⁾ Theoph. Chron. p. 466.

²⁾ Vita Tarasii p. 25, 15,

³⁾ ibid. p. 25, 28.

⁴⁾ ibid. p. 25, 25—37—26, 1—9.

⁵⁾ См. Конст. патріархи отъ времени Халкидонскаго собора до Фотія. в 1, стр. 199.

⁶⁾ Vita Tarasii p. 26, 19—26.

⁷⁾ ibid. p. 26, 27—30

поразила всѣхъ несчастныхъ и обездоленныхъ, для которыхъ такъ много дѣлалъ Тарасій ¹⁾. Цѣлую недѣлю у гроба происходила страшная давка, грозившая многимъ опасностію, такъ что императоръ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ военной силѣ для сдерживанія толпы ²⁾. Похороны совершились только 25-го февраля въ среду на первой недѣлѣ великаго поста ³⁾. Тѣло въ торжественной процессіи было перенесено въ монастырь, основанный Тарасіемъ, и погребено въ храмъ св. Мучениковъ ⁴⁾.

И. Андреевъ.

¹⁾ *ibid* p 26, 31—36—27, 1—9

²⁾ *ibid* p 27, 10—14

³⁾ *Theophanis Chron.* p. 481.

⁴⁾ *Vita Tarasii* p 27, 15—21